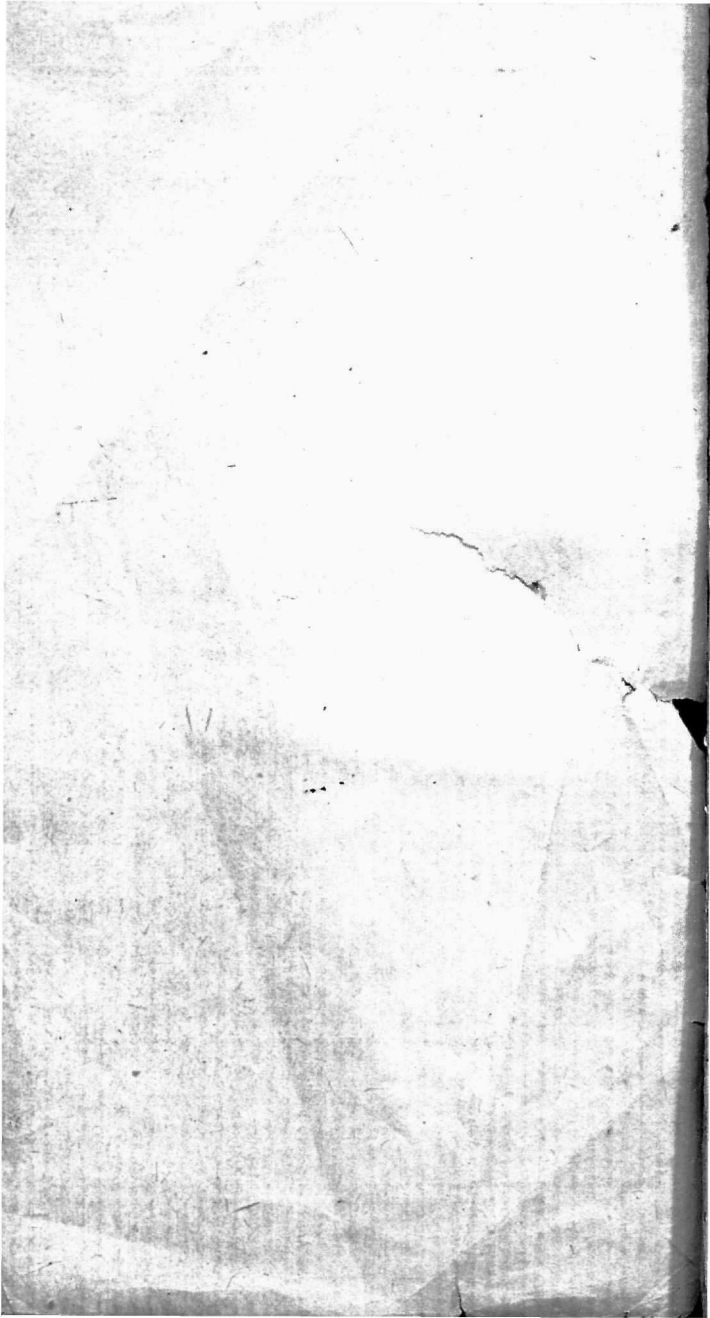

Проф. А. К. БАЮВЪ

**ИСТОКИ ВЕЛИКОЙ МИРОВОЙ
ДРАМЫ И ЕЯ РЕЖИССЕРЫ**

Таллинъ — 1927 — Ревель
Эстонія

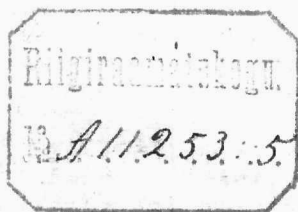

9:255 ш1917-1919 20 184

Проф. А. К. БАЮВЪ.

ИСТОКИ ВЕЛИКОЙ МИРОВОЙ ДРАМЫ И ЕЯ РЕЖИССЕРЫ

~~Sp 1922~~

25-II 27

Таллинъ — 1927 — Ревель
Эстонія.

Свож. спис. лит. во мнѣхъ
за рублемъ.

Trükikoda
„**ERK**“
Tallinn,
S. Juhkentali t.
Nr. 2.

I.

Вскорѣ послѣ принятія Германіи въ Лигу Націй ея министръ иностранныхъ дѣлъ Штреземанъ на суарѣ въ честь нѣмецкой колоніи въ Парижѣ заявилъ, что торжественный пріемъ Германіи въ Лигу Націй является доказательствомъ что вопросъ объ отвѣтственности за Міровую войну 1914-1918 г.г. самъ собою разрѣшенъ. Этотъ пріемъ, по мнѣнію Штреземана, нужно разсматривать какъ доказательство, что извѣстныя моральныя обвиненія Германіи нынѣ отпали со стороны тѣхъ народовъ, которые представлены въ Лигѣ Націй.

На ряду съ этимъ или какъ вслѣдствіе этого, профессоръ исторіи при Берлинскомъ университетѣ Дельбрюкъ, авторъ извѣстнаго многотомнаго труда по исторіи военного искусства, и нѣкоторые французскіе и американскіе профессора внесли въ Лигу Націй меморандумъ, въ которомъ они требуютъ безпристрастнаго разслѣдованія вопроса о томъ, кто виновенъ въ возникновеніи міровой войны.

Наконецъ, 28-го ноября 1926 года въ рейхстагѣ обсуждалось предложеніе всѣхъ несоціалистическихъ группъ о

необходимости обратиться въ Лигу Націй или въ Гаагскій третейскій трибуналь по вопросу объ окончательномъ выясненіи истинныхъ виновниковъ Великой войны.

Такимъ образомъ, въ послѣднее время вопросы объ отвѣтственности за Великую Міровую войну и объ истинныхъ виновникахъ ея приобрѣли актуальное, дѣйственное значеніе и, несомнѣнно, большой интересъ.

Эти вопросы по существу сводятся къ опредѣленію причинъ войны и виновниковъ ея возникновенія.

Въ 231 статьѣ Версальскаго договора, закончившаго Великую войну, причиной ея признаются эгоистическія желанія Германіи. Общественное мнѣніе Германіи, не соглашаясь съ этимъ, давно уже причиной войны считаетъ политику Пуанкаре, такъ называемый имъ пуанкаризмъ, социалисты всѣхъ странъ, въ томъ числѣ и русскіе во главѣ съ большевиками, признаютъ, что причиной войны является империализмъ царской Россіи, питаемый личными стремленіями замученнаго и убитаго этими же социалистами, государя Николая II; не такъ давно во Франціи вышла книжка тоже социалиста большевицкаго толка, который утверждаетъ, что причиной войны послужило соглашеніе на этотъ счетъ Россіи и Сербіи, сговорившихся тоже для какихъ-то империалистическихъ замысловъ. Бывшій ми-

нистръ иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгріи Чернинъ въ своихъ воспоминаніяхъ категорически заявляетъ, что причиной войны является воинственность русскихъ генераловъ.

Совсѣмъ на дняхъ вышла книга о происхожденіи Великой войны американца Барнеса, профессора социологіи въ Колумбійскомъ университетѣ и автора многочисленныхъ работъ по исторіи и по социальнымъ вопросамъ. Въ этой книгѣ Барнесъ стремится во что бы то ни стало доказать, что истиннымъ виновникомъ міровой катастрофы была не Германія, а союзныя страны, главнымъ образомъ, Россія, а затѣмъ Франція.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ многочисленныхъ домысловъ о причинахъ войны большинство сводится къ тому, что во всемъ виновата якобы Россія. Въ виду этого вопросъ о причинахъ Великой войны, той міровой драмы, которую пережили народы въ 1914-1918 г.г., и о виновникахъ ея возникновенія, т. е. ея режиссерахъ, является особенно интереснымъ для насъ русскихъ.

Какъ всѣ явленія въ жизни человечества, такъ и причины вооруженныхъ столкновеній между отдѣльными народами или группами ихъ зависятъ отъ факторовъ съ одной стороны порядка матеріальнаго, а съ другой стороны — моральнаго или вѣрнѣе сказать духовнаго.

Послѣ войны 1870-71 г. Германія, объединившись въ одну могучую національную имперію, значительно усилила свои культурныя и матеріальныя силы; съ другой стороны, получивъ въ обладаніе богатыя французскія провинці Эльзасъ и Лотарингію и чрезвычайную по тому времени контрибуцію въ 5 миллиардовъ золотыхъ франковъ—и тѣмъ въ громадной мѣрѣ увеличивъ свои естественныя богатства и свой національный капиталъ, она стала чрезвычайно быстро развивать свою промышленность. Это повлекло за собою ея сильное экономическое развитіе, чему немало способствовало трудолюбіе, благоразуміе и организаторскія способности нѣмецкаго народа, а также разумная внутренняя политика—обще-имперская и отдѣльныхъ нѣмецкихъ правительствъ.

Такое сильное экономическое развитіе въ скоромъ времени привело къ тому, что громадное количество продуктовъ своей промышленности, а также накопляющійся финансовый капиталъ, она не могла использовать въ своей собственной странѣ. Ей нужно было поэтому расширеніе хозяйственной территоріи, т. е. приобрѣтеніе новыхъ земель и колоній, гдѣ она могла бы имѣть товарные рынки, новыя сферы приложенія капитала и откуда могла бы получать необходимое для все болѣе и болѣе прогрессирующей промышленности сырье.

Но когда Германія вступила на путь колониальной политики, то большая часть колониального фонда была уже подѣлена между болѣе старыми государствами, и въ это время, примѣрно къ началу XX ст. изъ всѣхъ не только первоклассныхъ, но и вообще изъ колониальныхъ странъ Германія является наиболѣе обдѣленной заморскими землями.

Такое положеніе вещей неминуемо должно было повлечь за собою для Германіи требованія: во 1-хъ, создать средства для приобрѣтенія колоній и удержанія надъ ними своей власти, и во 2-хъ, найти такія мѣстности, которыя могли бы стать ея колоніями. Первое требовало созданіе сильнаго торговаго и могущественнаго активнаго боевого флота; вотъ почему императоръ Вильгельмъ II, устранивъ отъ вліянія на дѣла Имперіи знаменитаго Бисмарка, сталъ стремиться къ тому, чтобы сдѣлать Германію не только могущественной сухопутной державой, но и мощнымъ морскимъ государствомъ. Что касается разрѣшенія проблемы колониального расширенія Германіи, то оно при существовавшемъ тогда распредѣленіи земель, могущихъ стать колоніями европейскихъ государствъ, приводило къ тому, что Германія могла получить необходимыя для нея колоніи, лишь отнявъ часть громадныхъ колоній Англіи и Франціи. Это и вызвало прежде всего политическія столкновенія

между великими государствами въ Африкѣ.

Съ другой стороны эти же чисто экономическія основанія и необходимость расширенія хозяйственной территоріи явились одной изъ причинъ знаменитаго „Drang nach Osten“ (Движеніе на востокъ), имѣвшій два развѣтвленія: одно изъ нихъ на юго-востокъ, черезъ Балканы, Малую Азію и Месопотамію — къ дальневосточному и индійскому рынкамъ, а другое — прямо на Востокъ, въ Россію.

Естественно, что чрезвычайное развитіе германскаго флота, влекущее за собой устройство въ различныхъ пунктахъ угольныхъ станцій и утверженіе на міровыхъ морскихъ путяхъ; стремленіе захватить французскія и англійскія колоніи въ Африкѣ; экономическое проникновеніе на Балканы, въ Малую Азію и въ Месопотамію — въ высшей степени нарушали торговые и вообще экономическіе интересы Франціи и Англій, которыя во всѣхъ этихъ странахъ или имѣли свои торгово-промышленныя предпріятія, или вложили въ мѣстныя такія предпріятія свои значительныя капиталы, или, наконецъ, обладали здѣсь для продуктовъ своей промышленности чрезвычайно емкими рынками.

Особенно отъ такихъ экономическихъ стремленій и достиженій Германіи страдали интересы Англій, которая къ тому же въ качествѣ „владычицы

морей“ не могла допустить Германію къ свободному южному океану, открыть ей ближнюю монопольную дорогу въ Китай.

Не меньше нарушала коммерческіе интересы Франціи и Англіи экономическое проникновеніе Германіи прямо на востокъ, на русскіе рынки: Франція и Англія сами были крайне заинтересованы въ томъ, чтобы необъятная Россія была бы объектомъ ихъ собственной промышленности и ихъ собственного капитала.

Степень той опасности, которую представлялъ собою для Франціи и особенно для Англіи могущественный ростъ германской промышленности со всѣми вытекающими отсюда указанными выше послѣдствіями показываютъ намъ цифры движенія производства главнѣйшихъ продуктовъ въ Германіи по сравненію съ таковымъ же другихъ странъ, а также цифры ея торговли въ такомъ же соотношеніи.

Вотъ эти цифры за 25 лѣтъ передъ Міровой войной.

Производство главнѣйшихъ продуктовъ :

Добыто угля въ милліонахъ тоннъ

	Въ 1887 г.	Въ 1911 г.	Увел. въ %
Англія	160,0	276,2	72,6
Франція	19,9	39,8	97,5
Соед. Шт.	103,1	450,2	336,6
Германія	73,7	234,5	218,1

Производство чугуна въ тысячахъ
тоннъ

	Въ 1887 г.	Въ 1911 г.	Увел. въ %
Англія	7681	10.033	30,6
Франція	1568	4411	281,5
Соед. Шт.	6520	29.028	368,5
Германія	4024	15.574	387,0

Производство стали въ тысячахъ
тоннъ

	Въ 1887 г.	Въ 1910 г.	Увел. въ %
Англія	2403	6107	154,0
Франція	428	3390	692,9
Соед. Шт.	2604	26.512	910,8
Германія	954	13.699	1375,0

Если въ добавленіе къ этимъ цифрамъ принять во вниманіе, что за этотъ же періодъ населеніе Германіи увеличилось на $\frac{1}{3}$, то прогрессъ въ области производства главнѣйшихъ продуктовъ нужно назвать чрезвычайнымъ, а аналогичныя свѣдѣнія о другихъ отрасляхъ германской промышленности заставляютъ признать развитіе ея блестящимъ и процвѣтавшимъ какъ ни въ какомъ другомъ государствѣ. Какъ же используетъ Германія продукты своей промышленности? Кто потребляетъ ихъ?

Конечно, большая часть ихъ остается на огромномъ внутреннемъ рынкѣ Германіи. Но уже въ 1912 году обороты германской внѣшней торговли уступаютъ только великобританскимъ, а въ частности, въ в о з ъ уже равенъ англійскому.

При этомъ нужно указать, что вывозъ Германіи только въ размѣрѣ 3%

направляется въ собственныя колоніи Германіи, остальная же его часть направляется на чужіе рынки.

Такимъ образомъ, Германія быстро захватываетъ въ чужихъ заморскихъ областяхъ нужные ей экономическіе рынки. Въ общемъ въ Австралійскій союзъ, въ Алжиръ, въ Канаду, въ Британскую Индію и въ Азіатскую Турцію Германія вывозитъ во много разъ больше, чѣмъ въ свои Самоа, Новую Гвинею, Камерунъ и даже въ Кіао-Чао.

Мало того, въ чужія колоніи нѣмцы вывозятъ несравненно больше, чѣмъ вывозятъ туда сами ихъ метрополіи. Такъ, тоннажъ германскаго флота, который употреблялся для торговыхъ сношеній съ Сіамомъ, равнялся 376 тыс. тоннъ, тогда какъ французская торговля велась всего 25 кораблями, лишь въ 9 тыс. тоннъ.

Естественно, что французы и англичане не могли не видѣть въ Германіи своего опаснаго экономическаго конкурента,—вѣдь не для того же они приобрѣтали колоніи, чтобы онѣ въ экономическомъ отношеніи попадали въ руки Германіи.

Но цифры показываютъ, что изъ всего огромнаго германскаго экспорта только $\frac{1}{4}$ часть его направлялась въ колоніальныя части, а $\frac{3}{4}$ вывозимыхъ изъ Германіи товаровъ, потреблялось европейскими странами.

При этомъ главной потребительницей германскихъ товаровъ оказывается

старая Англія: такъ, изъ семи милліардовъ всего германскаго экспорта 1907 г. Англія поглотила свыше милліарда.

Затѣмъ какъ германскій рынокъ наибольшую роль играла Австро-Венгрія (717 мил. мар.), а далѣе приблизительно одинаковыя количества германскихъ товаровъ (на 400-450 мил. мар.) потребляли Франція, Бельгія, Голландія, Швейцарія и Россія.

Такое положеніе германской промышленности еще болѣе нарушало экономическіе интересы наиболѣе промышленныхъ тогда странъ Европы—Франціи и особенно Англіи.

Теперь уже было ясно, что германская промышленность проникла въ самыя отдаленныя углы міра и проникла въ такомъ размѣрѣ, что уже вездѣ стало чувствоваться экономическое засиліе Германіи; приходилось признавать, что въ этомъ отношеніи былая гегемонія Англіи всецѣло перешла въ руки Германіи.

Уже съ начала XX вѣка въ этомъ нельзя было сомнѣваться и въ 1914 г. профессоръ Туганъ-Барановскій убѣжденно говоритъ: „Англіи не удалось удержать прежней гегемоніи — она лишилась — и навсегда — своего положенія на міровомъ рынкѣ“.

Утративъ промышленные рынки, Англія и Франція стали усиленно вывозить свой денежный капиталъ. Но и

Германія стала дѣлать тоже, хотя и въ меньшемъ, но все же въ очень большихъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ, говоря словами одного русскаго изслѣдователя, В. А. Мукашева, можно сказать, что „конецъ XIX и начало XX вѣка ознаменовались рѣшительнымъ установленіемъ въ Европѣ гѣрманской экономической гегемоніи; она безраздѣльно воцарилась на европейскомъ рынкѣ и, шагъ за шагомъ, подчиняла себѣ новыя области“.

Естественно, что Англія не могла оставаться спокойной зрительницей потери своей всевѣтной гегемоніи и она должна была употреблять тѣ или иныя средства, чтобы остановить побѣдное шествіе германской промышленности и связанной съ ней торговли. На первомъ мѣстѣ изъ такихъ средствъ является коренное улучшение всего технико-экономическаго торгово-промышленнаго аппарата союзныхъ странъ. Въ Англіи и отчасти во Франціи тщательно изучали причины германскихъ экономическихъ побѣдъ; были привлечены на службу національной промышленности вся національная наука и техника; устраивались съѣзды и выставки, содалась огромная литература. Все это, конечно, до нѣкоторой степени способствовало улучшенію промышленности и развитію торговли своей страны, но вполне естественно не могло достигнуть основной цѣли — вернуть Англіи

экономическую гегемонию и свободу отъ германскаго засилья. И это потому, что все это шло лишь вслѣдъ за нѣмцами, по ихъ стопамъ, а вѣдь они тоже продолжали ту же работу, но находясь уже сильно впереди Англіи.

Англія, казалось, могла бы прибѣгнуть къ бойкоту, — но и это средство естественно, не могло дать желательныхъ результатовъ, — даже для Англіи организація всесвѣтнаго бойкота германскихъ товаровъ и германскихъ денежныхъ капиталовъ въ размѣрахъ необходимыхъ для достиженія намѣченныхъ цѣлей являлась непосильной. Наконецъ, было еще одно средство, которое, казалось, могло бы сдѣлать экономическую борьбу Англіи съ Германией болѣе успѣшной для первой—это именно таможенное объединеніе колониальныхъ владѣній съ метрополіей. Такое объединеніе требуетъ перехода къ протекціонизму и къ созданію единаго хозяйственнаго организма. А установленіе перваго и организація втораго—дѣло, по причинамъ чисто внутренняго порядка, чрезвычайно сложное и трудное, въ полной мѣрѣ едва ли даже возможное.

Въ общемъ нужно признать, что ни одно изъ средствъ возможныхъ въ мирное время, не могло сломить роста нѣмецкой торговли. **Только одна война, по мнѣнію англичанъ, могла положить конецъ экономическому владычеству нѣмцевъ.**

И это потому, что Англія была увѣрена, что Германія будетъ истощена войной гораздо болѣе своихъ противниковъ; что условія будущаго мира окончательно довершатъ ея истощеніе, такъ какъ съ нея можно будетъ потребовать громаднѣйшую контрибуцію, изъять изъ ея рукъ ея огромный флотъ, лишитъ значительной части ея огромныхъ естественныхъ богатствъ, наконецъ, политически расчлѣнить Германію на двѣ части или на много мелкихъ государствъ-провинцій, политически автономныхъ и экономически раздѣленныхъ.

Такимъ образомъ, экономическое соперничество Англіи и Франціи съ одной стороны и Германіи — съ другой, соперничество, на пути котораго всѣ преимущества были на сторонѣ Германіи неминуемо должно было привести къ войнѣ и эта война была наиболѣе необходима, а потому и наиболѣе желательна для Англіи.

Ну а какую же роль должна была въ этомъ соревнованіи играть Россія, каково было ея положеніе среди главнѣйшихъ экономическихъ антагонистовъ Западной Европы?

Почти передъ самой войной русской промышленный экспортъ достигалъ не болѣе 65-70 милліоновъ рублей. и составлялъ ко всему промышленному производству Россіи не болѣе одного процента, и это прежде всего потому, что необъятная аграрная Россія и ея гро-

маднѣйшія внутреннія колоніи представляли собой неисчерпаемый рынокъ для промышленности.

При такихъ условіяхъ внѣшніе рынки и стремленіе къ всемѣстному проникновенію продуктовъ отечественной промышленности не являлось для Россіи насущной потребностью.

Ни въ странахъ Дальняго Востока (Китай, Манчурія, Монголія, Корея), ни въ Средней Азіи, ни въ Персіи, ни даже на Ближнемъ Востокѣ русскіе промышленные интересы почти совершенно не сталкивались съ таковыми же германскими.

Во всѣхъ этихъ странахъ конкурентами Россіи въ этомъ отношеніи являлась не Германія, а Англія, Америка, Японія и Индія.

Непремѣнной необходимости укрѣпиться на промышленномъ внутри-германскомъ рынкѣ для Россіи также безусловно не было, хотя бы просто потому, что такія стремленія все равно не могли бы получить осуществленія. Даже германское засилье, наплывъ нѣмецкихъ издѣлій на собственномъ русскомъ рынкѣ не были таковы, чтобы представлять грозную опасность для русской промышленности.

Если Германія, благодаря установленію торговымъ договоромъ 1904 г. огромныхъ таможенныхъ пошлинъ на вывозимыя Россіей именно въ Германію продукты сельско-хозяйственной про-

мышленности и принятіемъ вывозныхъ премій на такіе же свои собственные продукты и могла стѣснить русскій вывозъ хлѣбовъ и вообще неблагопріятно вліять на интересы русскаго сельскаго хозяйства, то все же, вслѣдствіе прежде всего огромнаго роста русскаго внутренняго сельско-хозяйственнаго рынка то и другое не въ такомъ размѣрѣ, чтобы это могло непосредственно въ данный моментъ и на довольно далекое будущее угрожать существеннымъ матеріальнымъ интересамъ Россіи. Другими словами: во время, предшествующее Міровой войнѣ, Россія не находилась подобно Франціи и особенно Англій въ положеніи необходимости лишь только войной съ Германіей отстаивать уже сегодняшніе свои экономическіе интересы, т. е. для Россіи съ точки зрѣнія экономики, съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ война съ Германіей была не нужна.

Если же подходить къ Россіи какъ къ фактору, могущему вызвать матеріальныя причины войны, то является необходимымъ отмѣтить, что Россія являлась въ разсматриваемый періодъ не только субъектомъ, но и объектомъ международнаго спора, а именно: русскій рынокъ всегда былъ однимъ изъ наиболѣе лакомыхъ кусковъ для всѣхъ странъ съ высоко развитой промышленностью и обладающихъ большими свободными денежными капиталами. И вслѣдствіе этого неминуемо надвигающаяся

война между Англіей и Франціей съ одной стороны и Германіей— съ другой стороны, должна была въ значительной степени явиться борьбой и за русскій рынокъ, за овладѣніе имъ, за вліяніе на него.

Все вышеизложенное дасть право такъ кратко формулировать матеріальныя причины Міровой войны. Экономическое соперничество Англии и Германіи и въ частности борьба промышленныхъ странъ Запада съ Германіей за русскій рынокъ. Причемъ наиболѣе заинтересованной съ этой точки зрѣнія въ войнѣ являлась Англія.

II.

Но кромѣ факторовъ матеріальныхъ, какъ уже было сказано, причинами войны неминуемо также являются и факторы порядка духовнаго.

Въ небезызвѣстномъ трудѣ Одингоева „Сумерки Христіанства“ авторъ, останавливаясь на причинахъ войны, начавшейся въ 1914 году, говоритъ:

„Вдумываясь въ событія, предшествовавшія великому міровому катаклизму 1914 года невольно приходится поражаться мизерностью тѣхъ формальныхъ поводовъ, которые послужили якобы официальными причинами Міровой войны, такъ какъ при непредрѣшенности кѣмъ-то вооруженнаго столкновенія, во 1-хъ, не было бы безцѣльнаго убійства массонами австрійской наслѣдственной четы, а во 2-хъ, самое

убійство никогда не могло бы послужить поводомъ къ грандіознѣйшему міровому столкновенію, какое только знаетъ исторія человѣчества, что ясно свидѣтельствуется о преднамѣренности роковой войны, планомѣрности и цѣлесообразности закулиснаго руководства міровой политикой, далеко выходящей изъ рамокъ интересовъ отдѣльныхъ государствъ.

Очевидно, что кому-то нужно было во что бы то ни стало стравить европейскіе народы другъ съ другомъ, раздѣливъ ихъ, предварительно, такимъ образомъ, чтобы наиболѣе могущественныя монархическія державы, гдѣ принципъ самодержавія былъ наиболѣе сильно выраженъ,— Россія и Германія, оказались противопоставленными другъ другу, несмотря на свыше столѣтнюю дружбу народовъ, близкую родственную связь династій и искреннее желаніе избѣжать взаимнаго кровопусканія, дѣйствуя противъ интересовъ общаго заклятаго врага обоихъ народовъ — Англии, не двусмысленно всегда и во всемъ имъ противодѣйствовавшей на протяженіи вѣковъ и тѣмъ не менѣе оказавшихся въ одномъ лагерѣ съ Россіей въ разгорѣвшейся борьбѣ“.

Другой авторъ, одинъ изъ почтеннѣйшихъ дѣятелей довоеннаго времени въ Россіи кн. Жеваховъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: „Не пришло еще время которое открыло бы глаза ослѣпленному человѣчеству на работу того

„Незримаго Правительства“, задачи котораго заключаются въ ликвидаціи христіанства и гибели вѣковой христіанской культуры... Война 1914 года является однимъ изъ этаповъ по пути осуществленія давно намѣченной программы „Незримаго Правительства“, далеко еще не начертанной и включающей въ себѣ идею всемірной революціи, какъ способа ликвидаціи христіанства“.

Я не отвергаю въ полной мѣрѣ справедливость и вѣрность подобныхъ предположеній и соображеній, но съ другой стороны у меня нѣтъ достаточныхъ данныхъ, чтобы научно обосновать эту точку зрѣнія и потому въ настоящее время я обращаюсь къ болѣе реальнымъ матеріаламъ, чтобы выяснить причины Міровой войны духовнаго порядка, каковыя несомнѣнно существовали вопреки ученію социалистовъ всѣхъ толковъ, исповѣдающихъ матеріалистическую теорію исторіи.

Въ своей государственной жизни народы имѣютъ опредѣленные политическіе идеалы, въ достиженіи которыхъ видятъ выполненіе своей исторической задачи, къ которымъ стремятся и выполненіе которыхъ ставятъ себѣ ближайшей цѣлью въ ряду цѣлаго ряда послѣдовательныхъ достиженій на этомъ пути.

Стремленіе къ выполненію такихъ историческихъ задачъ выражается во внѣшней политикѣ даннаго государства. При этомъ для этой цѣли используются

всѣ средства до самыхъ, въ случаѣ необходимости, крайнихъ. Самымъ же крайнимъ средствомъ политики является война, которая поэтому и есть продолженіе политики съ оружіемъ въ рукахъ.

Такимъ образомъ, стремленіе къ достиженію историческихъ задачъ, стремленіе, имѣющее въ основѣ чисто идеальныя начала и являющееся факторомъ моральнаго значенія могутъ быть также причинами войны.

Посмотримъ ставили ли себѣ европейскіе народы въ началѣ ХХ вѣка такія историческія задачи; стремились ли они къ достиженію этихъ задачъ: была ли у нихъ воля достигъ ихъ, несмотря на препятствія, какія они встрѣчали на этомъ пути, главнымъ образомъ, во встрѣчныхъ интересахъ другихъ государствъ и доходила ли эта встрѣчность до противоположности, противоположности, которую можно было преодолѣть только силою, только войною.

Германія въ теченіе времени съ 1871 до 1914 года дѣлала непрерывные крупныя успѣхи — политическіе, матеріальныя и военные. Она прибрѣла многія колоніи, укрѣпила свое положеніе въ Малой Азіи, необыкновенно развила, какъ было уже указано, промышленность и торговлю, завладѣвъ экономической гегемоніей, замѣнивъ въ этомъ отношеніи Англию, она создала лучшіе въ Европѣ армію и флотъ. При

такихъ условіяхъ въ умахъ и сердцахъ нѣмецкой интеллигенціи понемногу зрѣетъ мысль, что политическое положеніе Германіи не соотвѣтствуетъ ея внутренней мощи — и матеріальной и моральной. Эти мысли, эти идеи, впрочемъ, падали на уже вполне готовую почву, подготовленную нѣмецкими учеными, главнымъ образомъ, историками второй половины XIX столѣтія, каковыми являлись Трейчке, Гозенбрейхтъ, Дройзенъ и Хесслеръ.

Особенно много поработалъ въ этомъ отношеніи Трейчке.

Главная тема всѣхъ сочиненій Трейчке — величіе Пруссіи, слава арміи, представляющей собою націю и нации, выставяющей армію. Трейчке вселялъ пламенную увѣренность въ величіе Германіи, въ безграничныя перспективы, открывающіяся передъ ней въ будущемъ и внушалъ эти идеи десяткамъ тысячъ студентовъ, будущихъ государственныхъ дѣятелей и военачальниковъ. Трейчке постоянно повторялъ, что нѣмцы — первый народъ въ мірѣ, что онъ лучше и выше во всѣхъ отношеніяхъ всѣхъ другихъ народовъ, что славяне только могутъ служить имъ навозомъ для удобренія германской культуры.

По мнѣнію Трейчке цѣль Германіи, начиная отъ Карла Великаго и до императора Вильгельма I составляло — объединеніе Германіи подъ главенствомъ Пруссіи. Съ достиженіемъ этой цѣли дальнѣйшей задачей Германіи

Трейчке опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Точно также, какъ величіе Германіи заключается въ управленіи Пруссіей, такъ величіе и благополучіе міра будетъ достигнуто съ установленіемъ господства германской культуры, германскихъ идей, германскаго характера, германской власти“. Въ этомъ, училъ Трейчке, историческая задача Германіи и ея роль въ будущемъ. Въ этомъ ея идеаль и къ этому она должна стремиться.

Такимъ образомъ, въ Германіи культивировалась идея мірового господства и при томъ не только экономическаго, матеріальнаго.

На ряду съ этимъ нѣмецкая мысль останавливалась и на томъ вопросѣ, что въ силу своихъ внутреннихъ ресурсовъ Германія производитъ ежегодно большій, чѣмъ всякая другая страна, избытокъ умственной и физической энергіи. Вслѣдствіе этого ежегодно нѣмецкіе патріоты должны созерцать, какъ лучшіе и энергичнѣйшіе граждане отъ тѣсноты эмигрируютъ, отдавая свой умъ, способности и трудолюбіе другимъ націямъ, часто враждебнымъ Германіи. Вопросъ этотъ считался чрезвычайно важнымъ и сталъ предметомъ серьезнаго спеціального изслѣдованія многочисленныхъ нѣмецкихъ историковъ и государственныхъ дѣятелей. Непосредственнымъ выводомъ отсюда являлось убѣжденіе, что Германія не можетъ отказать отъ расширенія своихъ гра-

ницъ и колониальной политики. Тогда же опредѣлились и тѣ направленія, по которымъ это расширение должно итти, и которыя устанавливались двумя формулами: „Drang nach Osten“ и „Unsere zukunft ist auf der See“.

Позднѣйшимъ писателемъ, который очень ярко проводилъ эти идеи является германскій генераль ф. Бернгарди.

Бернгарди вѣритъ въ превосходство германскаго народа и убѣжденъ въ томъ, что ему предопредѣлена великая будущность и что онъ призванъ сыграть великую роль въ исторіи чело-вѣчества.

Конечно, идею мирового владычества проповѣдывалъ въ послѣднее время не одинъ Бернгарди. Многіе германскіе публицисты, руководители промышленности и торговли, многіе писатели, профессора высшихъ школъ, и офицеры арміи прониклись важностью этой идеи говорили и писали въ ея пользу. Уже въ 1895 году былъ опубликованъ памфлетъ подъ заглавіемъ „Великая Германія и Средняя Европа въ 1950 г.“, въ которомъ авторъ говоритъ: „Безъ сомнѣнія не одни Германцы будутъ населять образовавшуюся такимъ образомъ новую германскую имперію; но они одни будутъ управлять, у нихъ однихъ будутъ всѣ политическія права, они одни будутъ служить во флотъ и въ армію; они одни будутъ имѣть право пріобрѣтать земельную собствен-

ность. Такимъ образомъ, они какъ и въ средніе вѣка, будутъ чувствовать себя господствующей расою; тѣмъ не менѣе, они допустятъ иностранцевъ дѣлать менѣе важную работу подъ ихъ господствомъ“.

Въ 1911 году Танненбергъ въ своей книгѣ „Великая Германія — задача XX столѣтія“, излагаетъ полную программу германскаго расширенія, перечисляетъ страны и территоріи, которыя онъ считаетъ нужнымъ захватить или имѣть подъ господствомъ Германіи, если она сдѣлается великой міровой державой.

Этотъ пангерманскій планъ 1911 г. предусматривалъ созданіе подъ главенствомъ Германіи федераціи странъ, включая на западѣ Голландію, Бельгію, Люксембургъ и Швейцарію, а также широкую полосу Франціи къ сѣверовостоку отъ линіи, проходящей отъ Бельфора до устья Соммы; на востокъ — обширную площадь западной Россіи, включая русскую Польшу и Прибалтійскія губерніи, на юго-востокѣ — Австро-Венгрію и Балканы.

Но эта обширная федерація, ядромъ которой должна была служить великая германская имперія средней Европы, не должна была ограничиваться только европейскими странами и территоріями. Она должна была распространяться на Азію, Африку и даже на Америку. Протекторатъ или захватъ Малой Азіи,

Сирии, Месопотамии, Палестины, Южной Персии, Египта и Суэцкаго канала такъ же, какъ и нѣкоторыхъ странъ въ Африкѣ и многихъ острововъ въ Восточной Индіи и Океаніи входилъ также въ этотъ планъ.

Высказавъ соображенія, обосновывающія этотъ планъ мірового господства Германіи, Танненбергъ говоритъ: „Передъ современной Германіей лежитъ задача перейти отъ положенія европейской державы къ положенію міровой державы“.

Но болѣе всѣхъ идей мірового владычества Германіи былъ проникнутъ императоръ Вильгельмъ II. Онъ считалъ это положеніе неоспоримымъ и былъ убѣжденъ, что господство Германіи должно принадлежать ей прежде всего потому, что германцы „избранный народъ“, превосходящій всѣ другіе народы культурностью и разумомъ.

Въ 1896 году, въ 25 годовщину основанія германской имперіи, онъ заявилъ, что германская нація стала... „міровой державой, жители которой живутъ во всѣхъ частяхъ свѣта, внося съ собой всюду германскія знанія и германскую культуру. Настало время, говоритъ Вильгельмъ, соединить эту болѣе обширную германскую имперію съ нашей родной страной“.

Въ другомъ случаѣ онъ сказалъ: „Только одинъ германскій народъ призванъ защищать, вырабатывать и раз-

вивать великія идеи“. По другому поводу Вильгельмъ говоритъ: „Нашъ германскій народъ будетъ гранитнымъ утесомъ, на которомъ Всемогущій закончитъ свое дѣло цивилизаціи міра“. При закладкѣ Римскаго музея въ Зальцбургѣ 4 октября 1900 г. Вильгельмъ II сказалъ: „Да будетъ наше германское отечество также сплочено въ будущемъ, такъ же могуче, такъ же вызывать удивленіе, какъ Римская всемірная имперія; да будетъ это достигнуто соединенными усиліями нашихъ принцевъ, нашихъ народовъ, нашихъ армій и нашихъ гражданъ, чтобы со временемъ можно было бы сказать о насъ, какъ было сказано о нихъ: „Civis romanus sum“.

Нѣсколько позже, въ рѣчи 22-го марта 1905 года императоръ Вильгельмъ говорилъ: „Богъ никогда бы не положилъ столько труда на наше германское отечество и его народъ, если бы онъ не предназначалъ насъ для чего-то высшаго. Мы—соль земли“.

Къ этому нужно сказать, что всѣ германскіе дѣятели, культивировавшіе идею германскаго мірового владычества, всѣ они были убѣждены, что только мечомъ, только войной Германія въ состояніи будетъ добиться первенствующаго положенія въ мірѣ.

Особенно ярко эту мысль проводитъ Бернгарди, который вслѣдствіе этого и проповѣдывалъ войну, какъ біологи-

ческий законъ, который настаивалъ на томъ, что „последнее спасеніе и высшее благо заключается въ мечѣ“.

Стоя на этой же точкѣ зрѣнія Клаусъ Вагнеръ въ своей книгѣ „Война“ въ 1906 году предугадывалъ для Германіи мировую войну и поэтому по поводу писалъ: „Возможно, что полки Германіи пройдутъ отъ Инда до Ганга; что германскія войска и турецкія дивизіи подъ командою офицеровъ германскаго генеральнаго штаба блокируютъ Суэцкій каналъ и, пройдя англійскій Египетъ, поддержатъ хедива, пока еще находящагося подъ покровительствомъ Англій, въ общемъ возстаніи за исламъ. Вполнѣ возможно, что въ южной Африкѣ предположенія обратятся въ дѣйствительность. Вполнѣ возможно, что черно-бѣло-красный флагъ будетъ развѣваться на башняхъ Роттердама и Кале и что военные налоги и принудительные займы будутъ объявлены нѣмцами въ Парижѣ послѣ такой мировой войны, которой еще никогда не бывало подъ солнцемъ“.

Такова была психологія идейныхъ, духовныхъ руководителей Германіи въ годы, предшествующіе мировой войнѣ и такъ выпукло сказавшаяся во время войны, подчеркивая этимъ, на чемъ воспитывалась народная масса въ Германіи, какія идеи ей внушались, къ чему ее звали, чѣмъ убѣждали, чѣмъ манили. И это все тѣмъ болѣе вліяло на массы въ желательномъ смыслѣ, что во

главѣ всего этого идейнаго движенія стоялъ самъ императоръ.

Въ іюль 1915 года, выражая мысли, назрѣвшія задолго до войны, Вильгельмъ сказалъ: „Торжество великой Германіи, которая когда-нибудь будетъ владычицей всей Европы, вотъ единственная цѣль, ради которой мы боремся“.

Къ тому же отводя такую роль Германіи Вильгельмъ Второй считалъ, что онъ самъ является орудіемъ Всевышняго для свершенія при помощи арміи великаго дѣла—основанія могущественной Германской міровой державы“. Помните, говоритъ онъ въ своемъ воззваніи къ восточной арміи въ 1914 году, что вы—народъ избранный. Духъ Господень снизошелъ на меня, потому что я—германскій императоръ. Я—орудіе Всевышняго. Я—Его мечъ, исполнитель Его воли. Горе и смерть всѣмъ, кто будетъ противостоятъ моей волѣ. Горе и смерть всѣмъ тѣмъ, кто не вѣритъ въ мою миссію. Горе и смерть трусамъ. Да погибнуть всѣ враги германскаго народа. Господь требуетъ ихъ истребленія. Господь моими устами требуетъ отъ васъ исполненія Его воли“.

На основаніи вышеизложеннаго будетъ вполне логично и обосновано сказать, что господствующія въ Германіи идеи въ концѣ XIX и началѣ XX столѣтій; стремленіе большинства германскаго народа; его идеалы; его настроенія, поддерживаемыя его вождя-

ми,—все это неминуемо влекло къ войнѣ, какъ единственному, по убѣжденію ихъ, средству, способному осуществить мечты нѣмцевъ о созданіи міровой германской имперіи, о подчиненіи себѣ всѣхъ, о всесвѣтной гегемоніи.

Это и служило главнѣйшей причиной духовнаго характера великой міровой войны.

Но если нѣмцы были убѣждены въ неизбежности для нихъ войны, если они даже желали ее, то несомнѣнно для нихъ необходимо было рѣшить вопросъ кто же явится ихъ главнымъ врагомъ? Кто можетъ мѣшать осуществленію ихъ высокихъ и сокровеннѣйшихъ идеаловъ?

Такимъ врагомъ были въ глазахъ нѣмцевъ не Россія и Франція, которыя въ данномъ случаѣ могли играть лишь второстепенную роль, а Англія. И въ Германіи въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій велась англофобская проповѣдь, и наиболѣе дѣятельнымъ въ этомъ отношеніи былъ профессоръ Трейчке. Предпринявъ экскурсію въ исторію, онъ указывалъ на то, что въ то время, какъ Германія была занята осуществленіемъ высокихъ религіозныхъ идеаловъ, Англія создавалась чисто разбойнымъ способомъ. Это чисто воровское государство, которое по мнѣнію нѣмецкихъ историковъ создавалось путемъ ограбленія міра. Еще Наполеонъ пытался вырвать земной шаръ „изъ отвратитель-

ныхъ щупальцевъ этого спрута, этого британскаго владычества. душащаго міръ“. Но ему не удалось добиться этого. И это должна сдѣлать Германія. Бернгарди допускаетъ соглашеніе съ Англіей, при условіи, что она откажется отъ міроваго владычества и признаетъ въ этомъ отношеніи равноправіе Германіи. Она должна предоставить Германіи полную свободу дѣйствій въ политикѣ и заранѣе согласиться на всякое ея територіальное приращеніе. Точно также Англія не должна мѣшать германской колоніальной политикѣ и признать преимущество германскихъ интересовъ въ М. Азіи.

Англія, конечно, не могла на это согласиться, ибо это означало постепенный захватъ Германіей міроваго господства. Такимъ образомъ не только на фронтѣ экономики, но и на фронтѣ духа интересы Англіи и Германіи сталкивались настолько, что уже заранѣе можно было предвидѣть неминуемость вооруженнаго столкновенія между ними.

Конечно, и другія государства имѣли свои идеалы, видѣли передъ собой историческія задачи, разрѣшеніе которыхъ считали для себя обязательными въ интересахъ своихъ народовъ, ихъ назначеній и потому стремились къ ихъ достиженію и разрѣшенію.

Франція послѣ неудачной войны 1871 года не могла простить нѣмцамъ

ихъ побѣдъ, унизившихъ ее морально и лишившихъ ее двухъ богатѣйшихъ провинцій—Эльзаса и Лотарингіи, издавна принадлежавшихъ Франціи и духовно тѣсно связанныхъ съ нею. Она не могла примириться съ результатомъ войны 1870-71 годовъ и мечта о реваншѣ никогда не угасала въ сердцахъ французскихъ патріотовъ. Эта мечта сдѣлалась той національной идеей, осуществленіе которой являлось въ глазахъ французскаго народа его очередной исторической задачей.

Это отлично понимала Германія. Уже въ 1871 году Бисмаркъ сказалъ, что Франція должна быть парализована, ибо никогда не проститъ намъ нашихъ побѣдъ. Въ 1878 году видя, что Франція быстро во всѣхъ отношеніяхъ оправляется отъ своего пораженія, Германія готовила новое нападеніе на свою западную сосѣдку, и лишь слово императора Александра II предотвратило отъ Франціи новую угрозу ея существованію. Затѣмъ въ теченіе 80-90 годовъ, неуспѣшно слѣдя за возрастающимъ могуществомъ Франціи, Бисмаркъ постоянно напоминаетъ въ рейхстагѣ, что миръ не обезпеченъ пока Франція не хочетъ помириться съ отторженіемъ отъ нея двухъ провинцій и мечтаетъ о реваншѣ.

Однако, нужно сказать, что какъ бы ни была жива во Франціи мысль о реваншѣ; какъ бы горячо французскій

народъ не относился бы къ этой новой національной идеѣ, какъ бы ни стремился онъ къ выполнению этой идеи, ставшей его исторической задачей; какъ бы успѣшно, наконецъ, Франція, преодолевая неблагоприятныя послѣдствія своего пораженія въ 1870 году, ни возстановливала свое могущество, подготавливая ее по возможности осуществить реваншъ, все же Франція не являлась тѣмъ активнымъ факторомъ, который могъ проявить инициативу въ дѣлѣ осуществленія реванша, — Германія была слишкомъ могучей для Франціи противникъ, и даже напряженіе всѣхъ силъ послѣдней для доведенія своей арміи до возможнаго во всѣхъ отношеніяхъ совершенства не могло сдѣлать Францію настолько сильной, чтобы вступить въ единоборство съ Германіей.

Это между прочимъ послужило одной изъ причинъ для заключенія, на первый взглядъ, казалось бы, страннаго союза между республиканскою Франціей и самодержавною Россіей. Впрочемъ, этотъ союзъ по обстановкѣ и условіямъ его заключенія, являясь союзомъ чисто оборонительнымъ, не могъ Франціи въ идеѣ реванша придать болѣе активности и сдѣлать ее на этомъ пути болѣе инициативной.

Вслѣдствіе всего этого Бернгарди въ своихъ сочиненіяхъ и не скрываетъ того, что Франція для Германіи второстепенный врагъ, съ которымъ, однако, приходится все же считаться. Это созна-

ніе необходимости считаться съ Франціей особенно окрѣпло въ Германіи послѣ заключенія Франко - Русскаго союза.

Такимъ образомъ, отношенія между Германіей и Франціей втеченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ складывались крайне враждебно и, очевидно, постепенно могли привести къ вооруженному между ними столкновенію, независимо даже отъ экономическихъ стремленій обѣихъ.

Свою историческую задачу уже съ давнихъ поръ Англія видѣла въ сохраненіи своего первенствующаго положенія, какъ въ области экономической, такъ и въ смыслѣ „повелительницы морей“. И поэтому своей единственною цѣлью она считала зоркое наблюденіе за тѣмъ, чтобы кто-либо другой не могъ бы сравняться съ нею въ этихъ отношеніяхъ, а тѣмъ болѣе не могъ бы опередить ее на этихъ путяхъ.

Англія, какъ показываетъ исторія, органически не можетъ переносить сильнаго развитія любого государства въ томъ или иномъ отношеніи и въ случаѣ, если это происходитъ, то она какъ бы автоматически начинаетъ противодействовать ему, настойчиво добиваясь цѣли. Такъ, вслѣдствіе этого въ началѣ XIX столѣтія она вела борьбу съ наполеоновскою Франціей, въ половинѣ XIX столѣтія—съ Россіей, такъ можно было уже а пріори думать, что

она не будетъ хладнокровно смотрѣть на буйное развитіе промышленности Германіи и ея флота.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Англія всегда съ опаской смотрѣла на Россію, которая казалось ей, постоянно угрожаетъ Индіи и, захвативъ ее, сильно подорветъ могущество Великобританіи, а также стремится утвердиться на Ближнемъ и Среднемъ Востокахъ, тоже, конечно, нарушивъ давнишніе тамъ интересы и вліяніе Англіи.

Поэтому каждая война, въ которой было бы сломлено могущество Германіи и ослаблена мощь Россіи была для Англіи полезна, а значить и желательна.

Для Россіи къ концу XIX столѣтія обрисовались въ сущности говоря двѣ историческія задачи: одна—всецѣло въ интересахъ самой Россіи, другая — въ интересахъ всего славянства.

Первая задача заключалась въ обезпеченіи самой себя на Дальнемъ Востокахъ отъ вождѣленій все болѣе и болѣе усиливающейся Японіи, стремящейся утвердиться на материкѣ Азіи какъ въ цѣляхъ получить территорію для выселенія излишка своего населенія, такъ и въ цѣляхъ полученія рынковъ для своей сильно развивающейся промышленности.

Такое положеніе вещей приводило къ непріязненнымъ отношеніямъ между Россіей и Японіей и въ концѣ концовъ закончилось вооруженнымъ столкновеніемъ—войной 1904-1905 г.г.

Война эта показала, что внутреннее положение Россіи не соотвѣтствуетъ тѣмъ методамъ противодѣйствія стремленію Японіи на материкъ Азіи, которые Россіей примѣнялись до сихъ поръ,—методамъ активнымъ, методамъ вооруженной борьбы. Нужно было въ цѣляхъ обезпеченія себя на Дальнемъ Востокѣ отъ Японіи пока держаться методовъ болѣе пассивныхъ, чисто защитительныхъ, каковыми являются заключенія соотвѣтственныхъ договоровъ и неподвижная военная оборона.

Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилась необходимость усилить внутреннюю мощь государства, какъ источника силы и средствъ, необходимыхъ для выполненія очередныхъ историческихъ задачъ.

Это же приводило къ цѣлому ряду внутреннихъ реформъ во всѣхъ областяхъ народной и государственной жизни.

Разработка этихъ реформъ и проведение ихъ въ жизнь требовали времени, большихъ денежныхъ средствъ, спокойнаго приложенія народнаго труда во всѣхъ его областяхъ, работы безъ помѣхи государственныхъ и общественныхъ органовъ, — другими словами, мира, — война же могла сильно помѣшать новому государственному строительству. Вотъ почему Россія послѣ войны съ Японіей должна была стремиться и стремилась къ миру.

Но у Россіи была еще одна историческая задача, задача, касающаяся инте-

ресовъ другихъ, а потому выборъ средствъ и методовъ для ея разрѣшенія не въ полной мѣрѣ зависѣлъ отъ нея.

Послѣ освобожденія Балканскихъ славянъ и Румыніи отъ Турецкаго ига и образованія изъ нихъ самостоятельныхъ государствъ, историческая задача Россіи по отношенію славянъ вполнѣ опредѣленно, точно и ярко была выражена Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ: „Главнѣшая задача славянскаго міра, писалъ онъ, вся теперь въ томъ, чтобы Россія поняла себя какъ его сосредоточіе и поняла свое славянское призваніе. Въ этомъ—все. Въ этомъ вся будущность и Россіи и всѣхъ славянскихъ племенъ. Какъ Россія невысказана безъ славянскаго міра, ибо она есть главнѣйшее его выраженіе и вещественно и духовно, такъ и славянскій міръ невысказанъ безъ Россіи. Вся сила славянъ въ Россіи, вся сила Россіи въ ея славянствѣ“.

Извѣстный Герценъ политическое осуществленіе славянскихъ идей отразилъ въ проектѣ славянской „федерациі“. Въ 1862 году онъ писалъ: „Намъ слѣдуетъ образовать одинъ великій союзъ, въ который бы вошли всѣ наши народности съ равными правами самобытности и независимости. Этотъ союзъ долженъ состоять изъ областей образованныхъ на основахъ какъ народныхъ особенностей, такъ и географическихъ и жизненныхъ потребностей.“

Всѣ мы знаемъ, что прежде нежели осуществиться идеѣ славянскаго союза, необходимы будутъ тяжелыя жертвы для освобожденія нашихъ братьевъ — отъ матеріальнаго и нравственнаго ига. Мы должны быть готовы на эти жертвы“.

На этомъ пути къ объединенію славянства къ XX вѣку многое уже было сдѣлано, но еще больше оставалось: воссоединеніе сербовъ, хорватовъ и словенцевъ; Галицкой и Червонной Руси съ Россіей, образованіе самостоятельной Польши.

Изъ всѣхъ этихъ задачъ, вполне ясныхъ и опредѣленныхъ, лишь только возстановленіе Польши можетъ вызвать нѣкоторое сомнѣніе въ томъ смыслѣ, что было ли въ интересахъ Россіи это возстановленіе и могла ли и должна ли она была къ нему стремиться? Вѣдь никто иной какъ Россія нанесла послѣдній ударъ Польшѣ, прекративъ въ свое время самостоятельное ея существованіе.

Этотъ фактъ неоспоримъ, но для Россіи онъ былъ исторически необходимъ. Чувствуя и сознавая свою историческую миссію прежде всего какъ славянскаго государства Россія должна была оберегать не только свое существованіе, но и создавать наилучшія условія для выполненія своего предназначенія. Польша же въ это время хотя, конечно, уже не могла угрожать само-бытному существованію Россіи какъ это

было въ началѣ XVII ст., но она мѣшала дальнѣйшему политическому ея развитію, была помѣхой для Россіи на путяхъ ея исторической задачи. Вотъ почему Польша временно должна была исчезнуть съ карты Европы. Но Россія, несмотря на сплошь и рядомъ неславянскую политику Польши, все же не забывала, что поляки—славяне, что нахождение частей Польши въ составѣ Германіи и Австріи, хотя и допущенное самой Россіей, въ случаѣ продолжительности срока такового является ненормальнымъ, неестественнымъ и нежелательнымъ.

Вотъ почему, когда Россія, сознававшая свою славянскую миссію, почувствовала себя вполне окрѣпшей и достаточно сильной, то стала стремиться къ образованію автономной или самостоятельной Польши изъ настоящихъ польскихъ земель, входящихъ въ составъ Россіи, Австріи и Пруссіи по 3 раздѣламъ. Это свидѣтельствуется воззваніемъ Верховн. Главноком. Вел. Кн. Николая Николаевича, выпущеннымъ имъ въ началѣ войны, а также словами Государя Императора Николая II, сказанными имъ въ приказѣ по арміи и флоту отъ 12 дек. 1916 г. „Время для мира еще не наступило, врагъ еще не изгнанъ изъ захваченныхъ областей. Достиженіе Россіей созданныхъ войной задачъ, обладаніе Цареградомъ и проливами равно какъ и созданіе свободной

Польшы и изъ всѣхъ трехъ ея разрозненныхъ областей—еще не обезпечено“.

Выполненіе всѣхъ указанныхъ задачъ Россіи требовало прежде всего распадёнія Австро-Венгріи. А возстановленіе Польши, кромѣ того и отторженія польскихъ земель отъ Германіи. Въ виду того, что отмѣченныя задачи являлись не неотложными, а съ другой стороны въ виду трудности достиженія ихъ для Россіи указаннымъ путемъ, особенно при общихъ политическихъ условіяхъ того времени и внутренняго состоянія Россіи въ первомъ десятилѣтіи XX вѣка, для Россіи къ достиженію этихъ задачъ стремиться теперь же, немедленно было невыгодно и потому проявлять активность въ этомъ направленіи ей было нежелательно, что соотвѣтствовало и общему, въ корнѣ миролюбивому настроенію какъ русскаго народа, такъ и русскаго правительства.

Такимъ образомъ, желѣемые Россіей всеславянскіе идеалы никоимъ образомъ не могли стать причиной войны.

Начавшаяся независимо отъ этихъ вопросовъ война поставила на очередь выполненіе всеславянской мечты Россіи. Невключеніе же въ цѣли войны, начавшейся помимо ея воли, этихъ задачъ знаменовало бы собой отказъ Россіи отъ ея великой славянской миссіи.

Очередной исторической задачей Австро-Венгріи являлось сохраненіе имперіи и для укрѣпленія ея обращеніе

изъ двуединого государства Австро-Венгерскаго въ тріединое — Австро-Венгро-Славянское. Для этого ей нужно было: ослабленіе вліянія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ и поглощеніе возможно большаго числа славянскихъ земель.

Австрія и стремилась къ этому. Пользуясь благоприятными обстоятельствами она достигала въ этомъ направленіи иногда довольно крупныхъ результатовъ, но идти по этому пути во что бы то ни стало, не останавливаясь передъ инициативой дѣйствовать активно, включительно до вооруженной борьбы, Австрія, конечно, не могла. Она была для этого во всѣхъ отношеніяхъ слаба. Расчитывать же на поддержку кого бы то ни было для достиженія ея собственныхъ интересовъ, да еще въ случаѣ проявленія ею инициативы въ активности она, конечно, не могла.

Точно также, историческія задачи, стоявшія съ начала XX вѣка и заключающіяся въ расширеніи своего вліянія на Средиземномъ морѣ, въ обращеніи себя въ Средиземную морскую державу и присоединенія къ себѣ итальянскихъ земель, входившихъ еще въ составъ Австріи, не могли заставить Италію проявлять наступательныя тенденціи, и тѣмъ сдѣлать ее источникомъ причинъ войны, тѣмъ болѣе, что искусной игрой Бисмарка она была вовлечена въ союзъ, въ составъ котораго входила Австрія.

Еще меньше, конечно, возбудительницами войны могли явиться Сербія, Чехія, Польша, которыя хотя и имѣли свои національные идеалы и стремленія, но которыя въ силу наличности реальныхъ условій могли лишь готовить себя къ рѣшенію своихъ національныхъ достиженій путемъ развитія национальной культуры и здороваго патріотизма.

Такимъ образомъ, всѣ главнѣйшія государства Европы и ея народы, еще недостигшія своего національнаго развитія, къ началу XX ст. имѣли свои національные идеалы и вытекающіе изъ нихъ очередныя историческія задачи, однако, только Германія и Англія стремились къ рѣшенію этихъ задачъ возможно скорѣйшему, можно даже сказать, немедленному.

Объ эти державы, въ особенности Германія, для достиженія своихъ цѣлей не останавливались передъ войной. Германія считала даже, что война это есть единственное средство, которое дало бы ей возможность занять достойное ея положеніе среди другихъ государствъ и народовъ. Вотъ почему для Германіи война и при томъ война возможно скорѣйшая была желательна.

Естественно поэтому, что она въ этомъ направленіи могла проявить и активность и инициативу.

Что касается Англіи, то боязнь захвата гегемоніи Германіей настолько

затрагивала уже сегодняшніе ея интересы, что она въ свою очередь готова была на этомъ пути бороться съ Германіей какими бы то ни было средствами, не исключая и вооруженной борьбы, и разница въ этомъ отношеніи между Англіей и Германіей лишь въ томъ, что для Германіи война была нужна какъ средство получить желаемое, а для Англій отстоять необходимое.

Другія государства въ данный моментъ не имѣли такихъ интересовъ духовнаго порядка, ради достиженія или охраненія которыхъ являлась бы необходимой или желательной война. Поэтому они не могли стремиться къ тому, чтобы вызвать войну, они не могли быть источниками причинъ войны въ области духовной.

Національные идеалы и стремленія этихъ государствъ могли только вліять на ту или иную группировку державъ и косвенно, помимо ихъ желанія, до нѣкоторой степени на опредѣленіе времени начала войны.

III.

Но если война, въ виду все большаго и большаго антагонизма въ области экономики и духа между Англіей и Германіей постепенно назрѣвала между этими двумя государствами, то, какимъ образомъ, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ къ моменту, когда вспыхнула война получилась та группировка дер-

жавъ, которая привела къ созданію двухъ враждебныхъ коалицій съ тѣми, а не иными членами и почему война началась объявленіемъ таковой Германіей Россіи, а Англія оставалась какъ бы въ сторонѣ и вступила въ нее, какъ извѣстно, съ значительнымъ запозданіемъ.

Несомнѣнно, образованіе такихъ группировокъ и въ частности поведеніе Англіи зависѣло какъ отъ причинъ экономическаго характера, такъ и отъ факторовъ духовнаго порядка, при чемъ каждая изъ этихъ данныхъ вліяла или порознь или въ совокупности, своеобразно переплетаясь между собою.

Своими побѣдами въ 1870 году Германія въ значительной мѣрѣ была обязана Россіи, такъ какъ политика послѣдней въ это время дала возможность Пруссіи двинуть всѣ свои войска противъ Франціи, не оставляя ни одного солдата на русской и австрійской границѣ.

Россія поэтому имѣла основаніе считать, если и не на поддержку, то по крайней мѣрѣ на отсутствіе противодѣйствія со стороны Германіи при выполненіи Россіей ея очередныхъ политическихъ задачъ, тѣмъ болѣе, что Россія съ доброжелательствомъ смотрѣла на развитіе Германіи во всѣхъ отношеніяхъ послѣ успешной войны 1870-71 года.

Увѣренная въ этомъ Россія въ назрѣвшій моментъ начала активно дѣй-

ствовать на Балканскомъ полуостровѣ, стремясь освободить тамошнихъ славянъ изъ-подъ владычества турокъ. Слѣдствіемъ этого, между прочимъ, явилась русско-турецкая война 1877-78 г.г.

Однако, достигнутые Россіей на этомъ пути успѣхи прежде всего вызываютъ противодѣйствіе Англіи, которая стала бояться за свое господствующее положеніе въ Азіи, а затѣмъ и Германіи, которая въ успѣхахъ Россіи на Ближнемъ Востокѣ видѣла помѣху въ достиженіи ея цѣлей — ясно обозначившагося уже тогда „Drang nach Osten“ въ этомъ направленіи.

На первыхъ порахъ созданный по инициативѣ Германіи Берлинскій конгрессъ 1878 года урѣзываетъ матеріальный, видимый успѣхъ Россіи и въ сильной степени подрываетъ среди славянъ ея моральный престижъ. Для дальнѣйшей борьбы съ Россіей въ цѣляхъ облегченія себѣ этой задачи и чтобы въ этомъ вопросѣ отвлечь исключительное вниманіе отъ себя, Германія выдвигаетъ ближайшую сосѣдку Балканскаго полуострова Австрію, какъ естественную соперницу здѣсь Россіи, ибо насколько было въ интересахъ Россіи возстанавливать на Балканахъ самостоятельныя славянскія государства, настолько это было невыгодно Австріи, имѣвшей въ своемъ составѣ много славянскихъ земель.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Германія для противодѣйствія Россіи на Балканахъ при-

влекаетъ Италію, имѣющую общее море съ Балканскими государствами и вслѣдствіе этого заинтересованной въ томъ, чтобы славянскія государства на Балканахъ не развивались, что противорѣчило интересамъ Россіи.

Въ результатѣ, по иниціативѣ Германіи и во главѣ съ ней къ концу 80-ыхъ годовъ XIX ст. образуется тройственный союзъ, состоящій изъ Германіи, Австріи и Италіи.

Направленный первоначально только противъ Россіи для противодѣйствія ей на Ближнемъ Востокѣ Тройственный союзъ получилъ вскорѣ также и другое значеніе.

Какъ было уже указано, Франція, побѣжденная въ 1870 году и лишенная двухъ провинцій, Эльзаса и Лотарингіи, не могла забыть своего пораженія и мечтала въ будущемъ отомстить Германіи за ея позоръ пораженія, вернуть утерянныя и столь драгоцѣнныя для ея промышленнаго развитія провинціи.

Германія знала, конечно, чувства и вожелѣнія Франціи и считала себя вынужденной принять необходимыя мѣры, чтобы обезпечить за собою обладаніе плодами побѣдъ 1870-71 года.

Такой мѣрой и служилъ тотъ же Тройственный союзъ, особенно включеніе въ его составъ Италіи, которая въ случаѣ вооруженной борьбы съ Франціей должна была оттянуть на себя

значительную часть французской арміи, а въ мирное время служить предостереженіемъ Франціи; въ общемъ же обезпечивать съ ея стороны Германію.

Такимъ образомъ, Тройственный союзъ, душой котораго была Германія, былъ направленъ, какъ противъ восточнаго, такъ и противъ западнаго ея сосѣда. Это естественно должно было повести къ сближенію этихъ сосѣдей Германіи, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ нихъ не вѣрилъ въ оборонительныя только задачи этого союза.

Такое сближеніе казалось невѣроятнымъ для Германіи, которая не допускала мысли о немъ, имѣя въ виду слишкомъ большую разницу въ образѣ правленія, въ формахъ государственнаго устройства Россіи и Франціи. Но мудрость Императора Александра III не остановилась передъ этимъ, казалось непреодолимымъ препятствіемъ и намѣтившееся въ 1887 г. сближеніе между Франціей и Россіей стало реальнымъ фактомъ въ началѣ 90-хъ годовъ XIX ст., а вскорѣ перешло въ двойственный Франко-Русскій союзъ, члены котораго обязывались помогать другъ другу въ случаѣ нападенія державъ Тройственного союза на одного изъ нихъ.

Здѣсь кстати отмѣтить, что образованію Франко-Русскаго союза способствовала и одна специально экономическая причина: Россія къ этому времени перешла къ развитію капиталистическа-

го хозяйства, нуждающагося въ капиталахъ, а Франція къ началу 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія стала типичной страной рантьерскаго капитала и нуждалась въ выгодномъ помѣщеніи своихъ сбереженій. Такимъ образомъ финансово-экономическая связь укрѣпляла политическій союзъ.

Итакъ, къ началу XX столѣтія почти всѣ великія державы сгруппировались въ два враждебныхъ другъ другу союза. Лишь одна Англія оставалась внѣ этихъ союзовъ, ведя традиціонную политику „блестящаго одиночества“.

Преслѣдуя ярко эгоистическія цѣли, Англія часто вызывала вслѣдствіе этого къ себѣ враждебное отношеніе обѣихъ группъ, особенно сильное въ эпоху войны съ бурами въ 1899-1901 г.г.

Однако, долго въ такомъ одиночествѣ Англія не могла быть.

Тотъ громаднѣйшій ростъ германской промышленности, который начался послѣ 1871 года и который былъ отмѣченъ, въ связи съ успѣшной конкуренціей издѣлій германскихъ фабрикъ и заводовъ съ англійскими фабриками, повлекшій за собой завоеваніе Германіей внѣшнихъ рынковъ, давно принадлежавшихъ Англіи, заставилъ послѣднюю начать экономическую борьбу съ Германіей.

Дальнѣйшее, также указанное выше, развитіе колониальной дѣятельности Германіи, ея стремленіе къ развитію своего торговаго и военнаго флотовъ и къ

утвержденію на міровыхъ морскихъ путяхъ, въ связи съ общимъ стремленіемъ къ міровому господству, углубили борьбу Англии съ Германіей и заставили первую оставить политику блестящей изоляціи и на всякій случай заручиться союзниками.

Считая Германію гораздо болѣе опасной, какъ угрожающую интересамъ Великобританіи уже въ настоящее время и какъ значительно болѣе дѣйствительную, чѣмъ Россію съ ея призрачными угрозами Индіи, Англія, руководимая королемъ Эдуардомъ VII начала съ 1907 года прежде всего сближаться съ враждебными Германіей — Россіей и Франціей и, въ концѣ концовъ, примкнула къ двойственному союзу, составивъ вмѣстѣ съ государствами его составлявшими, въ противовѣсъ Тройственному союзу, Тройственное согласіе.

Въ этихъ двухъ враждебныхъ политическихъ группахъ государствъ Европы наиболѣе активными членами были Германія и Англія, которые должны были заботиться не о будущемъ, а уже о настоящемъ и которыя къ тому же должны были вступить въ борьбу, руководясь не чувствами, или какими-то не вполне быть можетъ опредѣленными и не совсѣмъ осознанными стремленіями, а преслѣдованіемъ реальныхъ интересовъ.

Со времени образованія Тройственного согласія общій характеръ международныхъ отношеній въ Европѣ опре-

дѣлялся исключительно лишь соревнованіемъ этихъ двухъ политическихъ группъ, ихъ обоюднымъ стремленіемъ установить свое господство, какъ въ Европейской такъ и въ міровой политикѣ, что въ сущности говоря сводилось къ борьбѣ за гегемонію между Англійей и Германіей. И вокругъ этихъ двухъ враждебныхъ лагерей, въ опредѣленномъ движеніи политической жизни, скоплялись и наслаивались разнообразныя интересы остальныхъ европейскихъ государствъ, которые могли осуществить эти интересы, лишь входя въ кругъ вліянія одной изъ двухъ главныхъ группировокъ, подчиняясь ихъ руководству, способствуя достиженію ихъ политическихъ цѣлей.

Такимъ образомъ, на сторону Тройственного союза внослѣдствіи стали Турція и Болгарія, но зато отдѣлилась Италія, а на сторону Тройственного согласія — Сербія, Италія, Испанія, Португалія, Японія и въ будущемъ Сѣв. Америка.

Въ своей обоюдной борьбѣ какъ Тройственный союзъ, такъ и Тройственное согласіе прибѣгали къ всевозможнымъ средствамъ политики, чтобы поставить себя въ болѣе выгодное положеніе и чтобы таковое противника было бы наиболѣе затруднительнымъ. При этомъ наибольшую активность въ этомъ отношеніи проявляетъ Германія. Видя въ Англии болѣе опаснаго врага, чѣмъ Россія, Германія стремится воз-

дѣйствовать на Англію тѣмъ средствомъ, которое послѣдняя считала наиболѣе опаснымъ въ рукахъ Россіи, а именно движеніемъ на Индію. Въ этихъ цѣляхъ, установивъ свое вліяніе на Турцію, Германія начала упорную борьбу за Багдадскую желѣзную дорогу, какъ удобнѣйшій путь въ Индію. Такое направленіе ея усилій было тѣмъ болѣе для нея выгодно, что этимъ самымъ нарушались интересы Россіи на Ближнемъ Востокѣ, подрывая ея вліяніе и значеніе на Балканскомъ полуостровѣ, какъ первенствующаго славянскаго государства и затрудняя полученіе свободного выхода изъ Чернаго моря.

Съ другой стороны борьба въ этомъ направленіи облегчалась тѣмъ, что въ нее всецѣло можно было вовлечь Австро-Венгрію, которая стремилась возможно полнѣе подчинить себѣ славянскія государства Балканскаго полуострова, особенно Сербію, и интересы которой, вслѣдствіе этого, на Балканскомъ полуостровѣ были совершенно противоположны интересамъ Россіи и, такимъ образомъ, на Балканскій полуостровъ привлекалось все вниманіе Россіи, съ одной стороны отвлекая ее отъ другихъ направленій, а съ другой стороны осложняя ея отношенія съ Австро-Венгріей и по другимъ вопросамъ, какъ-то украинскому и польскому, и тѣмъ какъ изолируя бы интересы Россіи отъ интересовъ другихъ членовъ Тройственнаго согласія.

Это же, по мнѣнію Германіи, могло повліять отрицательно на интенсивность реагирования Англійей и Франціей на нарушеніе интересовъ Россіи Тройственнымъ союзомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Германія стремилась отвлечь вниманіе Франціи отъ европейскихъ дѣлъ для чего создавала ей затрудненія въ Сѣв. Африкѣ, поддерживая враждебныя ей туземныя государства и ставя, такимъ образомъ, подъ угрозу сѣверо-африканскія колоніи французовъ.

Въ общемъ, обѣ враждебныя группы, питая глубокое недовѣріе къ противнику, спѣшили усилить свое военное могущество, какъ на моряхъ, такъ и на сушѣ. Такое усиленіе въ разныхъ государствахъ союза и согласія получило осуществленіе особенно въ періодъ съ 1900 по 1913 гг., когда всѣ дошли въ этомъ отношеніи, казалось, до предѣльныхъ возможностей. Однако, ревниво слѣдя за ростомъ вооруженныхъ силъ сосѣдей-противниковъ, каждый старался перещеголять ихъ въ этомъ отношеніи.

Это дѣлало состояніе международныхъ отношеній крайне напряженнымъ и оно не могло, конечно, оставаться такимъ продолжительное время.

Достаточно было какого-нибудь предлога, какого-нибудь незначительнаго повода, чтобы произошелъ взрывъ, чтобы борьба политическая перешла бы въ вооруженное столкновеніе, въ общеевропейскую войну.

Такой предлог могъ явиться независимо отъ чьего-либо желанія, путемъ такъ сказать естественнымъ, но его можно было также и создать искусственно той стороною, для которой скорѣйшее вооруженное столкновение было выгоднѣе.

Кому же изъ двухъ главныхъ дѣйствующихъ членовъ обѣихъ группировокъ Англїи или Германїи было выгоднѣе скорѣйшее возникновение войны? Для кого желательнѣе было появленіе такого предлога или даже быть можетъ искусственное его созданіе?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ необходимо отмѣтить: во 1-хъ, традиціонный способъ защиты своихъ интересовъ Англїей и во 2-хъ размѣръ силы и степени боевой готовности обѣихъ политическихъ группировокъ Тройственного союза и Тройственного согласія.

Не углубляясь въ даль вѣковъ и ограничиваясь лишь опытомъ XIX и XX стол., мы можемъ отмѣтить, что традиціонно Англїя съ нарушителями своихъ интересовъ борется способами, которые меньше всего требовали бы жертвы отъ нея самой, при которыхъ разъ эти жертвы неминуемо должны быть, вся тяжесть борьбы возлагалась бы на ея союзниковъ и при которыхъ она не являлась бы видимо для всѣхъ инициаторшей вооруженнаго столкновения.

Смерть Императора Павла I; Наполеоновскія войны; Восточная война

1853-56 годовъ; помощь Англии Турціи въ 1877-78 гг.; роль Англии въ Берлинскомъ конгрессѣ; содѣйствіе Англіей Японіи въ 1904-1905 гг.—вотъ тѣ факты, которые свидѣтельствуютъ съ одной стороны какъ Англія ревниво относится къ своимъ интересамъ, какъ она стремится всегда сокрушить своего настоящего и вѣроятнаго будущаго соперника, съ другой стороны подтверждаетъ сказанное о методахъ борьбы Англии съ ея соперниками.

При такихъ условіяхъ хотя для Англии война была желательна и даже возможно скорѣе, но въ интересахъ ея было, чтобы предлогъ для войны созданъ бы помимо нея и чтобы онъ созданъ въ такихъ условіяхъ, при которыхъ она должна была бы въ вызванной этимъ предлогомъ войнѣ нести возможно меньше жертвъ, предоставляя это въ ея интересахъ дѣлать другимъ.

Такимъ образомъ, искусственно создавать предлога для войны Англія не стала бы, нельзя было также ожидать, чтобы она проявила инициативу въ томъ, чтобы тотъ или иной политическій фактъ использовать какъ предлогъ для войны, но несомнѣнно, было въ духѣ традицій Англии разъ кто-либо создалъ предлогъ для войны или стремился использовать данный фактъ какъ поводъ къ таковой, создать такія условія, при которыхъ война стала бы неизбежной и при томъ, конечно, въ обстановкѣ болѣе выгодной для Англии

Для Германіи, какъ выяснено было выше, война также была желательна и при томъ возможно скорѣе, къ тому же Германія и по своимъ историческимъ традиціямъ и по своимъ національнымъ особенностямъ, и по характеру своего монарха, и по данной обстановкѣ отлично сознавала, что она будетъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ предстоящей и неизбежной войнѣ и что отъ нея потребуется масса жертвъ, чтобы съ честью выйти изъ этой войны. Поэтому, готовясь къ войнѣ, Германія должна была всѣми мѣрами стремиться къ тому, чтобы она возникла и протекала бы въ такой обстановкѣ, при которой эти жертвы все же были бы наименьшія. Германія при такихъ условіяхъ считала необходимымъ не только готовиться къ войнѣ, но и подготавливать войну. Другими словами въ опредѣленное время Германіи было выгодно создать искусственно предлогъ къ войнѣ или по крайней мѣрѣ воспользоваться какъ таковымъ подходящимъ для этого фактомъ.

Какое же время для начала войны, а значить и для появленія предлога къ ней для Германіи являлось наиболѣе соотвѣтственнымъ?

Время это опредѣляется, какъ соотношеніемъ силъ будущихъ противниковъ, такъ и дальнѣйшимъ ростомъ этихъ силъ.

Въ 1911 и въ 1913 году въ Германіи были изданы два военныхъ закона, изъ которыхъ первый имѣлъ цѣлью не внѣшнее расширеніе арміи, а внутреннее ее усовершенствованіе, путемъ повышения технического снабженія войскъ.

Обратно этому законъ 1913 г. имѣлъ своей задачей увеличеніе размѣровъ арміи, развитіемъ главнаго рода войскъ — пѣхоты и формированіемъ новыхъ тактическихъ соединеній.

Мѣры, предположенныя этими законами были полностью выполнены весной 1914 года, — они увеличили германскую армію по штатамъ мирнаго времени на 29 т. и довели общій составъ ее при мобилизаціи до 112.000 офицеровъ и 4.100.000 солдатъ при 11.300 легкихъ и тяжелыхъ орудій и 1.850 пулеметовъ.

При этомъ по словамъ графа Вальдерзее, замѣщавшаго ген. Мольтке, всѣ работы по мобилизаціи были закончены 31 марта 1914 г. „Армія, говоритъ гр. Вальдерзее, была готова, какъ всегда“.

Въ дальнѣйшемъ на долгое будущее по законамъ мирнаго времени увеличеніе германской арміи не предвидѣлось

Союзница Германіи Австрія закономъ 1913 г. увеличивала кадровый составъ арміи на 50 т. чел., снабжала дѣйствующие корпуса тяжелой артиллеріей, реорганизовала свои крѣпости и строила укрѣпленія въ Карпатахъ и на границѣ съ Сербіей. Всѣ эти мѣропрі-

ятія должны были быть закончены къ 1916 году.

Державы Тройственного согласія въ отвѣтъ на усиленіе вооруженныхъ силъ Германіи и Австріи также, естественно, принимали мѣры къ усовершенствованію своихъ армій.

Однако, во Франціи вслѣдствіе слабаго прироста населенія, къ тому же уменьшавшагося съ годами, увеличенія численности постоянной арміи и ея резерва было невозможно.

Въ виду этого Франція рѣшается на героическую мѣру — на переходъ отъ двухлѣтняго къ трехлѣтнему сроку службы, что установлено было закономъ въ 1913 г. и что должно было сразу же увеличить численность постоянной арміи на одну треть и соотвѣтственно ускорить и облегчить приведеніе ея на военное положеніе.

Однако, окончательные результаты этого закона могли сказаться лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, когда численность запаса, при ежегодномъ уменьшеніи числа оканчивающихъ дѣйствительную службу, достигла бы того размѣра, какой былъ необходимъ и который при двухлѣтней службѣ получился бы въ болѣе короткий срокъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ томъ же 1913 г. во Франціи были вскрыты серьезные недочеты въ вооруженіи и снабженіи арміи, на которые законодательными учрежденіями было обращено большое

вниманіе. Несомнѣнно, что французское правительство къ устраненію обнаруженныхъ недочетовъ должно было принять энергичныя мѣры, но для этого, конечно, требовалось нѣкоторое время.

Въ виду того, что для всѣхъ было ясно, что въ случаѣ войны Германіи съ Франціей — первая не остановится передъ тѣмъ, чтобы нарушить нейтралитетъ Бельгіи, то въ Англии, еще не вступившей въ ряды державъ Согласія, но скрытно тяготѣвшей уже давно къ анти-германской коалиціи, явилась мысль придти на помощь бельгійцамъ своими сухопутными войсками. Съ 1906 года по этому поводу между Англией и Бельгіей велись переговоры, которые привели къ тому, что Бельгія по закону 1913 г. должна была увеличить свою армію военнаго времени съ 175 до 300 т. чел., а Англія обязывалась принять мѣры къ тому, чтобы ея 160-тыс. армія, направляемая на помощь Бельгіи, была высажена въ возможно болѣе короткій срокъ. Однако, для проведенія въ жизнь той и другой мѣры требовалось много времени.

Такимъ образомъ, Бельгія черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ 1913 г. въ значительной степени усиливалась бы съ военной точки зрѣнія.

Неудачная война съ Японіей въ 1904-1905 гг., а затѣмъ революціонная смута 1905 года сильно разстроили вооруженныя силы Россіи. Крайне медленно и подчасъ нетвердыми шагами

Россія въ теченіе 10 лѣтъ, къ 1914 году, едва успѣла возстановить свою армию до той степени, которая давала ей возможность выйти изъ своего небытія и въ необходимыхъ случаяхъ громко произнести свое слово въ защиту собственныхъ интересовъ и государственнаго достоинства.

Между тѣмъ угрожающее нарастаніе вооруженныхъ силъ и боевыхъ средствъ у западныхъ сосѣдей Россіи не позволяло ей оставаться въ этомъ отношеніи на мѣстѣ. И наше военное министерство внесло въ 1913 году въ законодательныя учрежденія новый проектъ дальнѣйшаго развитія нашей сухопутной вооруженной силы.

Внесенный законопроектъ объ усиленіи армии носилъ названіе „Большой программы“.

Согласно этой программы русская армія должна была въ теченіе ближайшаго четырехлѣтія, 1914-1917 года, увеличиться по штатамъ мирнаго времени на 12 т. офицеровъ и до 500 т. солдатъ, т. е. получить приращеніе болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{3}$ своего состава.

Выполненіе программы требовало единовременнаго расхода около полумилліарда рублей и ежегоднаго увеличенія бюджета Военнаго министерства на 140 милл. рублей. Развитие русской армии намѣчалось въ двухъ направленіяхъ — имѣлось въ виду созданіе новыхъ частей и усиленіе штатныхъ со-

ставовъ существовавшихъ войсковыхъ единицъ.

Вновь подлежали сформированію: три новыхъ корпуса, 26 полковъ регулярной кавалеріи, свыше 500 легкихъ mortarныхъ и тяжелыхъ батарей, а также нѣкоторое число новыхъ частей, въ инженерныхъ, техническихъ и обозныхъ войскахъ. Кромѣ того „Большая программа“ предусматривала во 1-хъ, расширение нѣкоторыхъ нашихъ военныхъ заводовъ и арсеналовъ, что должно было поставить дѣло боевого снабженія нашей арміи на болѣе прочное основаніе и во 2-хъ, довольно широкое развитіе авіаціонныхъ частей.

Большая программа была одобрена законодательными учрежденіями и какъ законъ утверждена Государемъ Императоромъ.

Указанное состояніе русской вооруженной силы къ 1914 году, а также то обстоятельство, что Большая программа могла быть выполнена только въ 1917 г. между прочимъ наглядно указываетъ, что Россія въ 1914 году не была готова къ войнѣ, и что эту неготовность признавала, а потому очевидно, что въ это время никто въ Россіи войны не могъ хотѣть.

Между тѣмъ, общій прогрессъ русской арміи, новое предстоящее усиленіе ея, какъ отвѣтъ на вооруженіе нашихъ западныхъ сосѣдей и намѣченныя мѣры по поднятію обороноспособности нашей

Родины вообще не могли, конечно, ускользнуть отъ бдительнаго глаза Германіи. Такимъ образомъ, для Германіи было ясно, что къ 1917 году Франція, Бельгія и особенно Россія въ значительной степени усилятъ свои вооруженныя силы и усовершенствуютъ свои арміи, что въ большой мѣрѣ увеличитъ средства борьбы Тройственнаго согласія по сравненію со средствами Тройственнаго союза, силы котораго, если за это время и возрастутъ, благодаря дѣйствию закона 1913 г. въ Австріи, то въ самомъ незначительномъ размѣрѣ.

При такихъ условіяхъ Германіи, какъ сторонѣ, активно готовившейся къ войнѣ, очевидно, выгоднѣе было вызвать неминуемо надвигавшееся столкновеніе народовъ Европы теперь же, чѣмъ дать отсрочку, рискуя дальнѣйшимъ усиленіемъ Россіи, еще далеко не развернувшей всѣхъ своихъ силъ и возможностей.

Къ тому же связи Англіи съ Франціей и особенно съ Россіей не были еще облечены въ опредѣленныя формы дипломатическихъ актовъ и потому въ глазахъ Германіи вопросъ о выступленіи Англіи противъ нея еще не могъ считаться предрѣшеннымъ.

Другими словами по традиціи, установленной еще Фридрихомъ II Великимъ, Германія, по ея мнѣнію, была поставлена въ необходимость начать не позже 1914 года предупредительную войну. А разъ это такъ,

то для Германіи было нужно создать искусственно предлогъ къ войнѣ или воспользоваться для этой цѣли первымъ событіемъ, которое могло бы быть использовано въ этомъ смыслѣ.

Такимъ событіемъ и явилось убійство въ Сараево (въ Австрійской провинціи Босніи) 28 іюня 1914 г. наслѣдника Австро Венгерскаго престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жены.

IV.

Мы не имѣемъ достаточно документальныхъ данныхъ, чтобы категорически утверждать, что убійство наслѣдника Австрійскаго престола было спровоцировано Германіей, было заблаговременно ею подготовлено, съ опредѣленной цѣлью, хотя мы не отрицаемъ возможности и этого, но съ увѣренностью можно уже теперь сказать, что это убійство искусно было использовано Германіей въ качествѣ предлога для войны.

Послѣ убійства 28 іюня правительство Австро-Венгріи, всегда искавшее случая создать осложненія съ Сербіей, обвинило послѣднюю въ участіи въ подготовкѣ убійства, путемъ поощренія велико-сербскаго движенія.

Въ Россіи были очень взволнованы такимъ направленіемъ событій, но послѣдовавшее изъ Вѣны завѣреніе объ умѣренности предстоящихъ со стороны Австро-Венгріи требованій и промедле-

ніе въ предъявленіи таковыхъ Сербіи внесли постепенно замѣтное успокоеніе.

Отказъ германскаго императора отъ первоначальной мысли лично присутствовать на похоронахъ убитаго эрцгерцога и его рѣшеніе не отмѣнять своего обычнаго лѣтняго путешествія въ норвежскія шхеры еще болѣе усыпили бдительность Петербурга.

Казалось, такимъ образомъ, что обстановка способствовала созданію убѣжденія въ полной безоблачности политическаго горизонта. И это тѣмъ болѣе, что посланный австрійскимъ правительствомъ въ Сараево совѣтникъ Визнеръ, чтобы обслѣдовать документы слѣдствія, начатое противъ авторовъ покушенія, телеграфировалъ въ Вѣну: „Участіе сербскаго правительства въ организациіи покушенія или въ подготовкѣ его и въ снабженіи оружіемъ, ничѣмъ не доказывается и даже не можетъ подразумѣваться. Существуютъ, напротивъ, указанія, которые устанавливаютъ полное отсутствіе его соучастія“.

Но для Австріи и особенно для Германіи это было рѣшительно все равно. Въ глазахъ обѣихъ имперій событіе 28-го іюня должно было быть использовано для ихъ личныхъ цѣлей во что бы то ни стало.

30-го іюня, т. е. черезъ день послѣ убійства эрцгерцога Фердинанда, германскій посолъ въ Вѣнѣ Чиршке доносилъ въ Берлинъ: „Вчера авторитетныя

лица выражали въ моемъ присутствіи желаніе окончательно свести счеты съ сербами. Я пользуюсь каждымъ случаемъ, чтобы спокойно и серьезно предупредить принятіе поспѣшныхъ мѣръ“. На этомъ донесеніи императоръ Вильгельмъ кладетъ такую резолюцію: „Кто уполномочилъ его на это? (т. е. кто уполномочилъ Чиршке держаться этой примирительной позиціи). Это очень глупо. Это совсѣмъ его не касается. Это исключительно дѣло Австріи, рѣшать, что она должна дѣлать. Позже, если дѣло пойдетъ плохо, скажутъ виновата Германія, которая не пожелала. Пусть Чиршке сдѣлаетъ мнѣ удовольствіе оставить всѣ эти глупости. Съ сербами нужно покончить возможно скорѣе... Теперь или никогда“.

4-го іюля этотъ документъ съ указанной отмѣткой былъ отосланъ изъ кабинета императора въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Тамъ, конечно, на резолюцію императора не могли иначе смотрѣть, какъ на приказъ: не удерживать Австрію, а напротивъ подстрекать ее къ выступленію противъ Сербіи.

На другой день, 5-го іюля, у императора Вильгельма въ Потсдамѣ состоялось собесѣдованіе, на которомъ присутствовали австрійскій посолъ въ Берлинѣ Сечени, канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ и помощникъ министра иностранныхъ дѣлъ. На этомъ собесѣдованіи было установлено, что, въ силу союзныхъ обязательствъ, Германіи невоз-

можно отказать въ поддержкѣ, которая была нужна Австріи и въ полученіи реальныхъ гарантій со стороны Сербіи. Совѣщаніе сознавало также возможность вмѣшательства со стороны Россіи.

Эти туманные результаты собесѣдованія, которые какъ будто не выказывали опредѣленныхъ стремленій Германіи были, однако, облечены въ совершенно конкретныя формы въ словахъ императора Вильгельма, сказанныхъ имъ графу Сечени: „...Не нужно долго ждать съ началомъ дѣйствій. Позиція Россіи будетъ, конечно, враждебной, но мы къ этой возможности долго готовились, и Австрія можетъ быть увѣрена, что если даже начнется война между Австріей и Россіей, Германія останется вѣрной своей союзницѣ. Россія къ тому же не готова къ войнѣ“.

Зная, что, предоставляя Австріи свободу дѣйствій и даже подстрекая ее къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Сербіи, этимъ самымъ онъ создаетъ общее затруднительное положеніе, императоръ Вильгельмъ тотчасъ принимаетъ послѣ совѣщанія со старшими военными начальниками рядъ подготовительныхъ къ войнѣ мѣръ.

6-го іюля, давъ общее направленіе дѣламъ въ согласіи съ интересами и вождѣвленіями Германіи въ данный моментъ, направленіе, которое неминуемо должно было привести къ войнѣ, имп. Вильгельмъ, какъ говорится для отвода

глазъ, чтобы впослѣдствіи не могли обвинить Германію въ качествѣ зачинщицы войны, отправился въ Сѣверное море.

Сѣмя подстрекательства, брошенное Германіей въ Австрію, нашло себѣ крайне благопріятную почву, тѣмъ болѣе, что Австрія сама стремилась покончить съ Сербіей и лишь боязнь Россіи могла заставить ее колебаться. Но точныя и опредѣленныя заявленія Германіи указывали Двуетою монархіи, что она будетъ не одна и, такимъ образомъ, есть шансы на успѣхъ, а потому удобнаго случая терять не слѣдуетъ.

7-го іюля состоялось засѣданіе австрійскаго совѣта министровъ, на которомъ графъ Бертольдъ заявилъ, что „пришло время навсегда поставить Сербію въ положеніе, когда она не сможетъ больше вредить, что императорское правительство Германіи обѣщало безусловно помочь Австріи въ войнѣ противъ этой страны и что поединокъ съ Сербіей можетъ имѣть послѣдствіемъ войну противъ Россіи. Гр. Бертольдъ при этомъ прибавилъ, что „будетъ лучше, если война начнется теперь же, потому что Россія со дня на день становится все болѣе вліятельной на Балканахъ“.

Тогда же совѣтъ министровъ постановилъ послать Сербіи ультиматумъ, но такъ какъ признавалось, что чисто дипломатическій успѣхъ, даже если онъ приведетъ къ униженію Сербіи, не бу-

детъ имѣть цѣны, то поэтому нужно „предложить Сербіи столь тяжелыя условія, чтобы отказъ отъ ихъ выполненія, былъ заранѣе предрѣшенъ и тогда имѣлось бы возможность перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ формѣ военныхъ мѣропріятій“.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ постановленіемъ австрійскаго совѣта министровъ императоръ Францъ-Іосифъ заявилъ, что онъ соглашается поставить Сербіи конкретныя требованія.

На донесеніи объ этомъ Чиршке, германскаго посла въ Вѣнѣ, императоръ Вильгельмъ написалъ: „Но очень ясныя и очень категорическіе. Они, т. е. австрійцы, имѣли достаточно времени для этого“.

Подстегиваніе австрійцевъ продолжалось и изъ прекраснаго далека.

Уже 11-го іюля австрійскій посолъ въ Парижѣ получилъ изъ Вѣны телеграмму: „Достигнуто полное соглашеніе съ Германіей во всемъ, что касается политическаго положенія, созданнаго покушеніемъ въ Сараевѣ и о всѣхъ возможныхъ послѣдствіяхъ этого“.

14-го іюля Чиршке телеграфировалъ въ Берлинъ, что „занятая Германіей позиція, удостовѣряющая, что она будетъ стоять рядомъ съ монархіей оказываетъ наиболѣе сильное вліяніе на твердость рѣшенія императора“.

Отсюда единственный логическій выводъ, что Гер-

манія, если бы желала, то могла бы удержать Австрію.

Но она не только этого не желала, но все больше и больше ее подстрекала.

Такъ на томъ мѣстѣ донесенія Чиршке, гдѣ онъ говоритъ, что „графъ Тисса (венгерскій премьеръ) полагаетъ, что нужно дѣйствовать по джентльменски“ императоръ Вильгельмъ помѣчаетъ: „Противъ убійцъ? Послѣ всего того, что произошло? Глупости!“ Нѣсколько позже Чиршке писалъ, что теперь и по мнѣнію гр. Тиссы „Монархія должна принять энергичныя рѣшенія“. Вильгельмъ отвѣчаетъ: „Ясно“.

Рѣшивъ представить Сербіи ультиматумъ, да еще особенный, въ Австріи стали его составлять.

14-го іюля Чиршке между прочимъ доносить въ Берлинъ: „Окончательный текстъ ноты, предназначенной для Сербіи еще не составленъ. Это будетъ сдѣлано въ воскресенье, 19 іюля. Что касается вопроса о времени врученія ноты Сербіи, то рѣшено сегодня, что болѣе предпочтительно подождать отъѣзда Пуанкаре изъ Петербурга, т. е. 25 іюля“.

Императоръ Вильгельмъ на этомъ донесеніи Чиршке пишетъ: „Какъ жаль“.

Такимъ образомъ, Вильгельмъ не только подстрекалъ, но и торопилъ Австрію.

Но австрійская дипломатія въ данномъ случаѣ оказалась тоньше, такъ

какъ промедленіе Австріи въ отсылкѣ ультиматума имѣло большой смыслъ и было чрезвычайно полезно для нея, да и для Германіи.

Президентъ французской республики Пуанкаре отправился въ Россію, его сопровождали премьеръ-министръ и министръ иностранныхъ дѣлъ Вивіани. И, конечно, было бы выгодно, чтобы они не были освѣдомлены объ ультиматумѣ во время ихъ пребыванія въ Петербургѣ, такъ какъ иначе французское правительство мѣгло бы на мѣстѣ быстро договориться съ союзнымъ правительствомъ о мѣрахъ для поддержанія мира и ударъ не достигъ бы цѣли.

Дѣйствительно, успокоенныя завѣреніями Австріи объ умѣренности ея требованій и отъѣздомъ императора Вильгельма въ норвежскіе фіорды, Россія и Франція продолжали сговариваться о подробностяхъ давно уже задуманнаго и предстоявшаго въ ближайшее время осуществиться торжественнаго посѣщенія Русскаго императора Президентомъ Французской республики, которое должно было служить традиціонной демонстраціей вѣрности франко-русскаго соглашенія. Глава союзнаго намъ государства, по предположенію своего правительства, долженъ былъ прибыть къ намъ морскимъ путемъ на военномъ кораблѣ 20-го іюля и на обратномъ пути посѣтитъ Швецію, Данію и Норвегію.

Какъ и предполагалось Пуанкаре и Вивіани прибыли въ Петербургъ 20-го

іюля и пребыли здѣсь до 10 час. вечера 23 іюля. За эти четыре дня происходили обычные въ этихъ случаяхъ торжества и, казалось, что не предвидѣлось ничего особеннаго. Государь Императоръ Николай II и Пуанкаре говорили только о мирѣ, въ этихъ цѣляхъ затрагивали главнымъ образомъ отношенія Россіи къ Швеціи и Англіи по поводу персидскихъ дѣлъ, а относительно Австріи и Сербіи оба они лишь высказывали недоумѣніе по поводу того, что Австрія до сихъ поръ молчитъ. Во всякомъ случаѣ оба ничего не ожидали особеннаго, что видно изъ того, что Государь обѣщаль посѣтить Францію съ отвѣтнымъ визитомъ въ 1915 году.

Однако, описывая свои впечатлѣнія отъ разговора съ австрійскимъ посломъ въ Петербургѣ графомъ Сапари, Пуанкаре говоритъ: „...и онъ удалился учтиво пожимая мнѣ руку, но оставляя у меня, несмотря на все, впечатлѣніе, что Австрія подготавливаетъ „кое-что“. Что? Объ этомъ невозможно было догадаться, но все же загадка была достаточно тревожной, чтобы желать предвидѣть возможное. Нужно было избѣжать того, чтобы Россія, которая всегда разсматривалась, какъ покровительница Сербіи, не осталась изолированной въ этотъ критическій моментъ отъ Англіи и Франціи“.

Заблаговременно и точно установивъ день и часъ отъѣзда Пуанкаре, Берлинъ эти свѣдѣнія передалъ въ

Вѣну, предупредивъ, что если представле-
ніе ультиматума будетъ сдѣлано въ
Бѣлградѣ 23 іюля въ 5 час. пополудни,
то о немъ будетъ извѣстно въ Петер-
бургѣ во время пребыванія Пуанкаре.

И уже 23 іюля германское министер-
ство иностранныхъ дѣлъ получило отъ
Чиршке отвѣтъ: „Импер. и королевское
правительство горячо благодаритъ Васъ
за Ваше сообщеніе барону Гизль (по-
сланнику Австріи въ Бѣлградѣ); рѣше-
но замедлить врученіе ультиматума на
одинъ часъ“.

И дѣйствительно, ультиматумъ былъ
врученъ сербскому правительству толь-
ко 23-го іюля въ 6 час. вечера и сталъ
извѣстенъ въ Петербургѣ только послѣ
ухода „Франсъ“, на борту котора-
го находились Пуанкаре и Вивіани.

Содержаніе и тонъ ультимативной
ноты Австро-Венгріи Сербіи, врученной
ей 23-го іюля, были крайне для всѣхъ
неожиданные.

Правительство императора Юсифа
требовало, чтобы Сербское правитель-
ство обязалось официально и печатно
осудить всякую анти-австрійскую про-
паганду и объявить, что отнынѣ оно
будетъ жестоко преслѣдовать и карать
всякое проявленіе таковой.

Сверхъ того Бѣлградское правитель-
ство должно было обязаться устранить
отъ должностей всѣхъ офицеровъ и
чиновниковъ, на которыхъ укажетъ
Вѣна, какъ на виновниковъ пропаган-

ды противъ Австро-Венгріи и согласит-ся на сотрудничество въ предѣлахъ Сербской территоріи австрійскихъ чиновниковъ, въ цѣляхъ какъ открытія соучастниковъ преступленія 28 іюня такъ и вообще борьбы съ движеніями, направленными противъ Двуетной монархіи.

На эту ноту Сербія обязывалась отвѣтомъ въ 48 часовой срокъ, т. е. должна была отвѣтить 25 іюля.

Предъявленный Сербіи ультиматумъ былъ официально сообщенъ Вѣной остальнымъ державамъ лишь по истеченіи довольно значительной части предоставленнаго на отвѣтъ срока, а именно только лишь 24 іюля.

Самое поверхностное ознакомленіе съ содержаніемъ австрійскаго ультиматума приводитъ къ заключенію, что въ числѣ требованій, заключенныхъ въ немъ были такія, которыя существенно затрагивали достоинство и понятіе о независимости Сербскаго королевства.

Въ настоящее время невозможно еще установить насколько Германія принимала участіе въ составленіи этого ультиматума, хотя и отрицать этого твердо нельзя. Во всякомъ случаѣ точно извѣстно, что Германскій посолъ въ Вѣнѣ Чиршке получилъ экземпляръ ноты уже 21 іюля и въ этотъ же день отправилъ ее въ Берлинъ, куда она прибыла 22 іюля. И если слова ультиматума и не были под-сказаны Германіей, то онъ весь былъ пропитанъ ея духомъ.

Съ другой стороны короткій срокъ, предоставленный Сербіи на отвѣтъ, въ связи съ опозданіемъ въ сообщеніи содержанія ультиматума остальнымъ державамъ, до крайности затрудняло вмѣшательство третьихъ государствъ въ цѣляхъ улаженія конфликта, возникшаго столь неожиданно и сразу принявшаго столь острую форму. Такимъ образомъ, въ сущности говоря, вопросъ мира или войны въ этотъ моментъ былъ всецѣло въ рукахъ Германіи: если бы она дѣйствительно хотѣла мира, то она могла бы задержать отправку ультиматума или по крайней мѣрѣ, не дѣлая этого, могла бы создать такія условія для дальнѣйшихъ событій, что явилась бы возможность безболѣзненно ликвидировать создавшееся крупное международное недоразумѣніе.

Но Германія не сдѣлала ни того, ни другого. Она не хотѣла этого. Это было не въ ея интересахъ. Она не желала упустить благоприятнаго, по ея мнѣнію, случая на пути достиженія ея заветныхъ цѣлей.

Наиболѣе заинтересованной въ создавшемся, благодаря поведенію Австро-Венгрии, вдохновляемой Германіей, положеніи дѣлъ, кромѣ Сербіи, которой это касалось непосредственно, являлась Россія.

Россію не связывало съ Сербіей никакое формальное соглашеніе—ни политическое, ни военное. Но въ силу сво-

его историческаго призванія, въ силу сознаваемыхъ ею ея историческихъ задачъ она не могла не придти на помощь, не оказать свое благотворное содѣйствіе братской странѣ въ столь трудное для нея время. Таковую заинтересованность въ данномъ вопросѣ признавали какъ Германія и Австрія, такъ съ другой стороны и Франція.

Изыскивая способъ наиболѣе безболѣзненнаго протеканія создавшагося конфликта и въ концѣ концовъ благопріятнаго его завершения, Россія пошла двумя путями: съ одной стороны—обычнымъ дипломатическимъ — а именно мѣропріятіями министра иностранныхъ дѣлъ, сводящимися къ сношеніямъ съ различными государствами, такъ или иначе заинтересованными, и предложеніемъ имъ тѣхъ или иныхъ средствъ, принятіе которыхъ могло бы въ концѣ концовъ привести къ мирному улаженію конфликта, удовлетворивъ обѣ стороны, и съ другой стороны — личными сношеніями Государя Императора съ императоромъ Вильгельмомъ, какъ съ лицомъ, которое, при данной обстановкѣ, въ сущности говоря, одно руководило дѣйствіями не только Германіи, но и Австріи.

V.

Какъ только Русское Императорское Правительство было освѣдомлено изъ сообщеннаго ему австро-германскимъ

посломъ въ С.-Петербургѣ, кстати сказать по истеченіи уже 17 часовъ, текста врученной въ Бѣлградѣ ноты о сущности заключавшихся въ ней требованій Министръ Иностр. Дѣлъ С. Д. Сазоновъ сдѣлалъ передъ Вѣнскимъ правительствомъ шаги прежде всего въ томъ смыслѣ, чтобы продлить срокъ, предоставленный Сербіи для отвѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сазоновъ указалъ Австрійскому Министерству Иностр. Дѣлъ, что нѣкоторыя требованія предъявляемыя Сербіи по существу своему являлись невыполнимыми, нѣкоторыя же были предъявлены въ формѣ, несомѣстимой съ достоинствомъ независимаго государства.

Считая недопустимымъ умаленіе достоинства Сербіи и проявленное этимъ самымъ Австро-Венгріей стремленіе утвердить свое преобладаніе на Балканахъ, русское правительство въ самой дружеской формѣ предложило Австро-Венгріи подвергнуть новому обсужденію содержащіяся въ Австро-Венгерской нотѣ пункты.

Австро-Венгерское правительство не сочло возможнымъ согласиться на обсужденіе ноты. Мало этого. Несмотря на осужденіе Сербіей преступнаго злодѣянія и на выказанную Сербіей готовность дать удовлетвореніе Австріи въ мѣрѣ, которая по выраженію нашего министерства иностр. дѣлъ, превзошла ожиданія не только Россіи, но и другихъ державъ, австро-венгерскій посланникъ немедленно по полученіи от-

вѣта отъ Сербіи, едва имѣя время ознакомиться съ его содержаніемъ, демонстративно покинулъ сербскую столицу.

Такой образъ дѣйствій Австріи явно свидѣтельствовалъ, что она поступала по заранѣ установленной программѣ и преднамѣренно торопилась какъ бы съ цѣлью заранѣ сдѣлать невозможными всѣ мѣры для мирнаго рѣшенія вопроса.

Съ другой стороны ясно, что Австрія, которой Россія заявила о невозможности для нея остаться равнодушной и о томъ, что, прилагая всѣ усилія къ изысканію мирнаго выхода, она допускаетъ его лишь поскольку онъ не вызоветъ умаленія достоинства Сербіи какъ независимаго государства, не могла въ данномъ случаѣ дѣйствовать на свой страхъ и чувствовала за своей спиной вѣрнаго союзника, закованнаго въ ратные доспѣхи и съ бронированнымъ кулакомъ. И этотъ союзникъ не только готовъ былъ помочь Австріи въ силу своихъ союзническихъ обязательствъ, но онъ руководилъ ею и при томъ руководилъ диктаторски.

Что это дѣйствительно такъ видно изъ того, что уже 18 го юля, т. е. за пять дней до врученія ультиматума Сербіи Баварская миссія въ Берлинѣ доносила въ Мюнхенъ: „Въ интересахъ локализации войны Императорское правительство предприметъ дипломатическіе шаги передъ великими державами сейчасъ же послѣ врученія австрійской ноты

въ Бѣлградѣ. Ссылаясь на фактъ путешествія Императора на сѣверъ и на то, что начальникъ генеральнаго штаба и прусскій военный министръ находятся въ отпуску, германское правительство будетъ настаивать на томъ, что оно было застигнуто врасплохъ выступленіемъ Австріи точно также, какъ и другія державы. Оно будетъ стремиться получить со стороны державъ признаніе того, что разногласіе, существующее между Австріей и Сербіей является дѣломъ, касающимся только этихъ двухъ государствъ“.

А затѣмъ, 25-го іюля, какъ только стало извѣстно о волненіи, вызванномъ врученіемъ ультиматума въ Бѣлградѣ, Императоръ Вильгельмъ телеграфировалъ въ Берлинъ: „Такъ какъ вся эта такъ называемая великая сербская держава является безсильной и такъ какъ всѣ славянскіе государства подобны ей, слѣдуетъ твердо идти къ намѣченной цѣли“.

И въ тотъ же день Австрійскій посоль въ Берлинѣ гр. Сечени телеграфировалъ въ Вѣну: „Здѣсь, т. е. въ Берлинѣ, полагаютъ, что предполагаемый отрицательный отвѣтъ Сербіи вызоветъ немедленно объявленіе нами войны, связанное съ военными дѣйствіями. Намъ совѣтуютъ дѣйствовать поспѣшно и незамедлительно и поставить міръ передъ совершившимся фактомъ“.

И другія великія державы, подобно Россіи, также приняли мѣры къ тому,

чтобы конфликтъ между Австріей и Сербіей закончился бы мирно. Франція потому, что сознавала лежащій на ней долгъ поддержать Россію въ случаѣ ея войны съ Австріей; Англія потому, что еще не знала какъ сложится обстановка для неминуемой войны, потому что не желала до поры до времени открывать свои карты и не хотѣла, способствуя возникновенію войны, возлагать на себя за нея отвѣтственность.

Такъ министръ иностранныхъ дѣлъ Франціи Вивіани, находясь въ это время въ пути вмѣстѣ съ президентомъ Пуанкаре телеграфировалъ въ Лондонъ и Петербургъ, что по его мнѣнію слѣдуетъ: 1) чтобы Сербія немедленно согласилась на всѣ требованія совмѣстимые съ ея достоинствомъ и независимостью; 2) чтобы она испросила продолженіе срока, въ который Австрія требовала отвѣта; 3) чтобы Англія, Россія и Франція согласились о поддержаніи этой просьбы; 4) чтобы тройственное согласіе изыскало возможности произвести въ случаѣ необходимости разслѣдованіе черезъ международную комиссію, вмѣсто комиссіи австро-сербской.

Англія дѣйствовала болѣе осторожно и выдержанно. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ сэръ Эдуардъ Грей по этому поводу бесѣдовалъ съ германскимъ посломъ въ Лондонѣ кн. Лихновскимъ, который заявленія Грея тотчасъ же передалъ въ Берлинъ. Интересны между прочимъ резолюціи Виль-

гельма на этихъ донесеніяхъ, резолюціи, которыя свидѣтельствуютъ какъ о настроеніи Германскаго Императора, такъ и настойчивости его дѣйствій въ опредѣленномъ направленіи.

22-го іюля кн. Лихновскій доноситъ, что Грей высказалъ пожеланіе, чтобы Австрія считалась съ національнымъ достоинствомъ Сербіи. Вильгельмъ пишетъ: „Національнаго достоинства Сербіи не существуетъ. Вопросъ не касается Грея; это дѣло касается исключительно Его Величества Франца-Іосифа. Гигантское безстыдство Англіи“.

Послѣ полученія текста ультиматума въ Лондонѣ 24-го іюля Лихновскій доноситъ, что Грей выразился, что „они превосходятъ все, что можно было бы предвидѣть и что государство, которое согласилось бы на удовлетвореніе подобнаго требованія, перестало бы находиться въ числѣ независимыхъ государствъ“. Вильгельмъ отмѣчаетъ: „Это было бы очень желательно. Сербія не является государствомъ въ европейскомъ смыслѣ слова; это — банда громилъ“.

Лихновскій продолжаетъ: „Грей мнѣ сообщилъ, что онъ готовъ вмѣшаться въ дѣляхъ полученія согласія на продолженіе срока, въ ожиданіи, что можетъ быть окажется возможнымъ найти способъ разрѣшенія конфликта“. „Безполезно“, пишетъ Вильгельмъ.

Грей, наконецъ, предложилъ, что въ случаѣ опасной напряженности по-

ложенія четыре державы, не являющіяся непосредственно заинтересованными — Англія, Германія, Франція и Италія, предпримуть шаги въ цѣляхъ посредничества между Россіей и Австріей“. „Безполезно, повторяетъ Вильгельмъ. Я меньше всего рассчитываю на то, чтобы Австрія попросила меня объ этомъ. Въ вопросахъ чести и жизненныхъ интересовъ съ другими не совѣтуются“.

Когда же 27-го іюля Англія сдѣлала предложеніе созвать въ Лондонѣ конференцію изъ представителей четырехъ державъ съ цѣлью обсудить возможные выходы изъ создавшагося положенія и Россія въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ Сазонова отвѣтила, что она готова принять англійское предложеніе — это или всякое другое, способное мирно разрѣшить конфликтъ, то это предложеніе не встрѣтило сочувствія въ Берлинѣ. Германское правительство, возражая при этомъ противъ конференціи, не указывало на какой-либо иной практической путь къ разрѣшенію конфликта, который, такимъ образомъ, оно все болѣе осложняло и затягивало, чѣмъ и выигрывало время для своихъ военныхъ приготовленій.

Что касается Италіи, то послѣ полученія текста ультиматума, 24 іюля, она заявила, что по смыслу договора Тройственного союза раньше, чѣмъ предпринимать агрессивные шаги, могущія вызвать столь тяжкія послѣдствія, Австрія должна войти въ соглашеніе со своими

союзниками. Не будучи осведомленной, Италия не может считать себя связанной обязательствами.

Однако, все эти предостережения и предложения не привели к желаемым результатам, Австрия, поддерживаемая Германией, отвергла их, а Германия настаивала на том, что инцидент между Австрией и Сербией подлежит непосредственному разрешению между обоими названными государствами. Такъ настойчиво заявляли германские послы — во Франции бар. Шенъ и въ Лондонѣ кн. Лихновскій, а также министръ иностран. дѣлъ Германіи — французскому послу въ Берлинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Германия указывала, что она одобряетъ точку зрѣнія Вѣны и что разъ стрѣла выпущена, то Германия можетъ руководствоваться лишь своими союзническими обязательствами.

Такимъ образомъ, германское правительство сразу поставило препятствіе мирному вмѣшательству въ конфликтъ третьей державы и этимъ самымъ явно выказало вполне определенное желаніе довести дѣло до войны.

Рѣшивъ войну, Германия прежде всего желаетъ, чтобы война эта происходила въ наиболѣе выгодныхъ для нея условіяхъ съ военной точки зрѣнія и потому она стремится къ тому, чтобы оторвать Францію отъ Россіи, полагая, что этимъ самымъ она удержитъ и Англию отъ вооруженнаго вмѣшательства.

Германскій посолъ въ Парижѣ бар. Шенъ 26-го іюля заявилъ французскому правительству, что „чувствуя себя солидарной съ Франціей въ горячемъ желаніи поддержать миръ. Германія полагаетъ, что обѣ державы должны воздѣйствовать на Россію въ умѣряющемъ смыслѣ“. При этомъ бар. Шенъ особенно подчеркиваетъ о необходимости офиціально путемъ печати сдѣлать заявленіе о солидарности между Германіей и Франціей.

Въ этомъ ходѣ отчетливо вырисовалась попытка германской дипломатіи оторвать Францію отъ Россіи, поставить послѣднюю въ изолированное положеніе и поселить чувство недовѣрія между обоими названными государствами. Попытка эта, однако, не удалась.

Франція, а за нею и Англія отвѣтили въ полномъ согласіи другъ съ другомъ, что воздѣйствіе должно быть произведено не въ Петербургѣ, а въ Вѣнѣ, ибо Россія проявила въ данномъ конфликтѣ съ самаго начала полную умѣренность.

Не удалось также и другое аналогичное предложеніе Германіи — о ея совмѣстномъ съ Франціей вмѣшательствѣ. Берлинскому правительству было отвѣчено о цѣлесообразности предоставленія вмѣшательства четыремъ державамъ: Франціи, Англіи, Германіи и Италіи.

Затѣмъ, подготавливая войну, толкая на нее Австрію, Германія вовсе не желала, чтобы впослѣдствіи виновность

за войну была возложена на нее или на Австрію. Поэтому она тогда уже принимаетъ мѣры къ тому, чтобы виновницей войны въ глазахъ другихъ государствъ въ данное время и въ глазахъ исторіи въ будущемъ явилась бы Россія.

26-го іюля устно, а 27-го іюля письменно бар. Шенъ сдѣлалъ во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ заявленіе о томъ, что Австрія не ищетъ територіальныхъ пріобрѣтеній и не угрожаетъ цѣлости Сербіи и что ея единственная цѣль — обезпечить собственное спокойствіе. Такимъ образомъ, добавлялъ Шенъ, предотвращеніе войны всецѣло зависитъ отъ Россіи.

28-го же іюля германскій канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ телеграфировалъ германскому послу въ Вѣнѣ Чиршке: „Отвѣтъ сербскаго правительства на ультиматумъ позволяетъ считать, что Сербія пошла такъ далеко навстрѣчу австрійскимъ требованіямъ, что если императорское правительство сохранить совершенно независимое положеніе, слѣдуетъ предвидѣть, что оно возстановитъ противъ себя европейское общественное мнѣніе. . Въ этихъ условіяхъ побѣдоносная война на трехъ фронтахъ не можетъ быть гарантирована. Итакъ, нужно, чтобы отвѣтственность за возможный конфликтъ передъ государствами, которыя непосредственно не заинтересованы въ вопросѣ, была бы возложена при всякомъ поворотѣ событій

на Россію. Вы должны заботливо избѣгать создавать впечатлѣніе, что мы хотимъ удержать Австрію. Слѣдуетъ только найти такую форму, которая позволила бы Австріи осуществить свою цѣль... не прибѣгая къ міровой войнѣ и если, въ конечномъ счетѣ, эта война не можетъ быть избѣгнута — улучшить по возможности, условія, въ которыхъ нужно будетъ вести ее, чтобы добиться нашего успѣха“.

Естественно, что при такихъ условіяхъ Австрія 28-го іюля объявила войну Сербіи, а на слѣдующій день уже бомбардировала столицу Сербіи — Бѣлградъ и заняла часть сербской территоріи.

Этимъ фактомъ конфликтъ вступилъ въ новую фазу, гораздо болѣе сложную и ставящую правительствамъ заинтересованныхъ государствъ въ высшей степени трудную задачу, особенно для Россіи, которая съ одной стороны не могла допустить разгрома маленькой братской Сербіи гораздо болѣе могущественной Австріей, за спиной которой стояла сильнѣйшая военная держава Германія, а съ другой стороны воодушевляемая своимъ исконнымъ миролюбіемъ, имѣющимъ въ данномъ случаѣ къ тому же основанія въ своей неготовности, стремилась къ тому, чтобы искра брошенная Австріей не только не разгорѣлась бы въ міровой пожаръ, но и была бы поскорѣй потушена безъ вреда для Сербіи.

Такъ или иначе, но въ вопросѣ объ отвѣтныхъ мѣрахъ на разъ начавшуюся мобилизацію у ея западныхъ сосѣдей, Россія должна была серьезно учитывать медленность приведенія ея собственной арміи на военное положеніе и сложность всей ея мобилизаціонной системы, каковыя факторы являлись результатомъ исключительно трудныхъ условій, въ одной Россіи существующихъ.

Россія менѣе чѣмъ какая-либо другая держава, могла допустить безъ угрозы собственной безопасности, чтобы кто-либо изъ западныхъ ея сосѣдей предупредилъ ее въ мобилизаціонныхъ мѣропріятіяхъ или чтобы ея мобилизаціонные расчеты были чѣмъ-либо спутаны. Въ виду этого уже 26-го іюля былъ объявленъ въ войскахъ „предмобилизаціонный періодъ“, которымъ предусматривалось возвращеніе войскъ изъ лагерей на постоянныя стоянки. Слѣдующимъ же шагомъ на случай дальнѣйшаго углубленія конфликта, должно было быть производство частной мобилизаціи войскъ противъ Австріи, при чемъ мобилизація эта не должна была коснуться тѣхъ военныхъ округовъ, которые примыкали непосредственно къ германской границѣ.

Хотя частная мобилизація, заранѣе у насъ неподготовленная, по военнотехническимъ причинамъ въ условіяхъ, въ которыхъ находилась Россія, являлась крайне нежелательной и даже опасной съ точки зрѣнія безопасности государства, тѣмъ не менѣе соответствен-

ныя соображенія были подготовлены русскимъ генеральнымъ штабомъ. Намѣчалось ограничить мобилизацію четырьмя военными округами, а именно Кіевскимъ, Одесскимъ, Московскимъ и Казанскимъ.

Въ такомъ видѣ проектъ намѣчавшейся частной мобилизаціи встрѣтилъ принципиальное сочувствіе Государя и нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, усматривавшихъ въ подобной мобилизаціи мѣру, могущую подчеркнуть нашу умѣренность вообще и лояльность по отношенію къ Германіи въ частности.

Въ соотвѣтствіи съ подготовленнымъ проектомъ нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ сдѣлалъ германскому послу въ Петербургѣ заявленіе, что намѣченныя русскимъ правительствомъ мѣры военнаго характера отнюдь не направлены противъ Германіи и что ими не предрѣшаются также наступательныя дѣйствія противъ Австро-Венгріи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, начальникъ генеральнаго штаба ген. Янушкевичъ послѣ совѣщанія съ его ближайшими сотрудниками пришелъ къ рѣшенію изготovitъ два проекта Высочайшаго указа, изъ которыхъ одинъ—для общей, а другой—для частной мобилизаціи четырехъ перечисленныхъ выше округовъ. Проекты эти были одновременно представлены на Высочайшее имя при особомъ обосновывающемъ докладѣ.

Утромъ 29-го іюля отъ Государя вернулся подписаннымъ указъ объ общей мобилизаціи арміи, началомъ которой надлежало считать 12 часовъ ночи на 30 іюля.

Такимъ рѣшеніемъ Государя благополучно разрѣшался вопросъ о сохраненіи боевой готовности нашей арміи и обезпеченіи безопасности государства.

Здѣсь необходимо отмѣтить, что какъ разъ въ этотъ самый день, 29-го іюля, когда Россія фактически еще не приступила къ мобилизаціи ни одной своей части войскъ и ограничилась лишь введеніемъ, незадолго до этого числа, предмобилизаціоннаго періода, предусматривавшаго только домашнюю провѣрку мобилизаціонныхъ соображеній и расчетовъ,—въ этотъ день германскіе послы въ Петербургѣ гр. Пурталесъ и въ Парижѣ бар. Шенъ категорически заявили одновременно министрамъ иностранныхъ дѣлъ Россіи и Франціи, что если ихъ правительства не прекратятъ своихъ военныхъ приготовленій, то Германія мобилизуетъ свою армію.

Такое совпаденіе въ дѣйствіяхъ обихъ германскихъ дипломатовъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что Германія, руководимая императоромъ Вильгельмомъ, незадолго передъ тѣмъ вернувшимся изъ своей морской экскурсіи, продолжала систематически и неустанно готовить почву для оправданія своей предрѣшенной мобилизаціи

и для переложенія отвѣтственности за такую на Россію и Францію.

Между тѣмъ около 9 часовъ вечера 29-го іюля Императоромъ Николаемъ было отдано повелѣніе объ остановкѣ всѣхъ распоряженій по производству общей мобилизаци и о замѣнѣ ея частной мобилизаціей только въ четырехъ военныхъ округахъ. Первымъ днемъ этой мобилизаци сохранялось 30-ое іюля. Новое Высочайшее повелѣніе было принято къ немедленному исполненію и съ 12 часовъ ночи на 30-ое іюля въ Россіи фактически было приступлено къ мобилизаци въ Кіевскомъ, Одесскомъ, Московскомъ и Казанскомъ округахъ.

Здѣсь считаю необходимымъ самымъ категорическимъ образомъ утверждать, что всѣ разговоры, хотя бы они исходили отъ казалось бы столь авторитетнаго лица, какимъ долженъ былъ бы быть въ этихъ вопросахъ бывшій въ то время въ Россіи военнымъ министромъ генераль Сухомлиновъ относительно того, что это повелѣніе Государя не было исполнено генер. Янушкевичемъ и при томъ по секрету отъ ген. Сухомлинова, должны быть признаны неимѣющей никакого основанія болтовней, преступной ложью, необходимой для лицъ, создавшихъ и распространяющихъ ее лишь въ своихъ личныхъ интересахъ.

Въ то время въ Россіи никто, конечно, и помыслить не могъ о такомъ

неповиновеніи Государю Императору; особенно въ силу своихъ личныхъ свойствъ на это не былъ способенъ ген. Янушкевичъ, тѣмъ болѣе, что вѣдь это можно было скрыть всего на нѣсколь-ко часовъ. Наконецъ, приведеніе въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія 29-го іюля объ отмѣнѣ общей мобилизаци въ ихъ печатныхъ трудахъ документально свидѣтельствуется генер. - квартирмейстеромъ гл. упр. генер. штаба ген. Юріемъ Даниловымъ и начальн. мобилиз. отдѣла того же управленія ген. Добровольскимъ.

VI.

Чѣмъ же объясняется отмѣна Государемъ Императоромъ общей мобилизаци, указъ о которой Онъ подписалъ 29-го іюля?

Уже было отмѣчено, что помимо общаго пути улаживанія политическихъ конфликтовъ дипломатическими мѣропріятіями, предпринимаемыми по предубавленіямъ Верховнаго Главы Государства Министромъ иностранныхъ дѣлъ, въ данномъ случаѣ былъ принятъ и другой путь, путь личнаго сношенія русскаго Императора съ императоромъ германскимъ.

28-го іюля послѣ объявленія Австріей войны Сербіи Государь телеграфировалъ императору Вильгельму:

„Радъ твоему возвращенію. Въ этотъ особенно серьезный моментъ я прибѣ-

гаю къ твоей помощи. Позорная война была объявлена слабой странѣ. Возмущеніе въ Россіи, вполне раздѣляемое мною, безмѣрно. Предвижу, что очень скоро, уступая производящемуся на меня давленію, я буду вынужденъ принять крайнія мѣры, которыя поведутъ къ войнѣ. Стремясь предотвратить такое бѣдствіе, какъ Европейская война, я умоляю тебя, во имя нашей старой дружбы, сдѣлать все возможное въ цѣляхъ недопущенія твоимъ союзникамъ зайти слишкомъ далеко“.

На этой телеграммѣ, которая прибыла въ Берлинъ въ 1 часъ ночи 29 го іюля Вильгельмъ сдѣлалъ помѣтку: „Признаніе собственнаго безсилія и попытка возложить на меня отвѣтственность за войну. Телеграмма содержитъ скрытую угрозу и стремленіе вызвать приказъ задержать руку союзника“.

Въ отвѣтъ же на эту горячую просьбу Государя Вильгельмъ въ 1 ч. 45 минутъ ночи того же числа телеграфировалъ:

„Съ глубокимъ сожалѣніемъ я узналъ о впечатлѣннѣи, произведенномъ въ твоей странѣ выступленіемъ Австріи противъ Сербіи. Недобросовѣстная агитация, которая велась въ Сербіи въ продолженіи многихъ лѣтъ, завершилась гнуснымъ преступленіемъ, жертвой котораго палъ эрцъ-герцогъ Францъ-Фердинандъ. Безъ сомнѣнія, ты согласишься со мной, что наши общіе интересы твои и мои, какъ и интересы дру-

гихъ правителей, заставляють насъ настаивать на томъ, чтобы всѣ лица, морально отвѣтственные за это жестокое убійство понесли бы заслуженное наказаніе. Съ другой стороны, я вполне понимаю, какъ трудно тебѣ и твоему правительству противостоятъ силѣ общественнаго мнѣнія. Поэтому, принимая во вниманіе сердечную и нѣжную дружбу, связывающую насъ крѣпкими узами въ продолженіи многихъ лѣтъ, я употребляю все свое вліяніе для того, чтобы заставить Австро-Венгрію придти къ лояльному и удовлетворительному соглашенію съ Россіей. Я искренно надѣюсь, что ты придешь мнѣ на помощь въ моихъ усиліяхъ сгладить затрудненія, которыя все еще могутъ возникнуть.

Вслѣдъ за этимъ Императоръ Николай телеграфировалъ Вильгельму:

„Сердечно благодарю тебя за твой скорый отвѣтъ. Военныя приготовленія, вошедшія теперь въ силу, были рѣшены 5 дней тому назадъ, какъ мѣра защиты въ виду приготовленія Австріи. Отъ всего сердца надѣюсь, что эти наши приготовленія ни съ какой стороны не помѣшаютъ твоему посредничеству, которое я высоко цѣню. Необходимо сильное давленіе съ твоей стороны на Австрію для того, чтобы она пришла къ соглашенію съ нами“.

Вильгельмъ отвѣтилъ телеграммой, въ которой между прочимъ писалъ:

„Австрія не стремится къ какимъ-либо територіальнымъ завоеваніямъ за счетъ Сербіи. Поэтому я считаю вполнѣ возможнымъ для Россіи остаться только зрителемъ Австро-Сербскаго конфликта и не вовлекать Европу въ самую ужасную войну, какую ей когда-либо приходилось видѣть. Полагаю, что непосредственное соглашеніе твоего правительства съ Вѣной возможно и желательно, и, какъ я уже телеграфировалъ тебѣ, мое правительство прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы достигнуть этого соглашенія. Конечно, военныя приготовленія со стороны Россіи, которыя могли бы разсматриваться Австріей какъ угроза, ускорили бы катастрофу, избѣжать которую мы оба желаемъ и повредили бы моей позиціи посредника, которую я охотно взялъ на себя, когда ты обратился къ моей дружбѣ и помощи“.

Телеграмма эта показалась Государю успокоительной. Онъ повѣрилъ въ искренность Вильгельма, считая, что теперь онъ примеетъ дѣйствительно мѣры, способныя отвратить войну. Вслѣдствіе этого Государь въ 8 час. 30 м. вечера 29-го іюля телеграфируетъ въ Берлинъ:

„Благодарю за примирительную и дружескую телеграмму. Официальное заявленіе, сдѣланное сегодня твоимъ посломъ моему министру, носило совершенно иной характеръ. Прошу тебя выяснить это разногласіе. Было бы пра-

вильно австро-сербскій вопросъ передать Гаагской конференціи, чтобы избѣжать кровопролитія. Довѣряюсь твоей мудрости и дружбѣ“.

Отправивъ эту телеграмму Государь и отмѣнилъ общую мобилизацію. Отвѣтъ Государя съ предложеніемъ передать австро-сербскій конфликтъ на разсмотрѣніе Гаагскаго трибунала и принятое рѣшеніе объ ограниченіи военныхъ приготовленій Россіи частной мобилизаціи являются лучшимъ доказательствомъ высокаго миролюбія Верховнаго Главы Россійскаго Государства. Но прекрасное движеніе души Русскаго Царя не нашло себѣ отклика въ настроеніяхъ германскаго императора.

На многозначущее предложеніе Государя Германія отвѣтила слѣдующей телеграммой канцлера Бетманъ-Гольвега своему послу въ Петроградѣ:

„Я прошу Ваше Превосходительство выяснить въ немедленномъ собесѣдованіи съ Сазоновымъ такъ называемыя противорѣчія между нашими заявленіями и телеграммой Его Величества. Мысль о Гаагской конференціи, естественно, исключается въ данномъ случаѣ“.

Самъ же Вильгельмъ послѣ совѣщанія въ Потсдамѣ, на которомъ присутствовали и военныя власти, телеграфировалъ въ 1 ч. ночи 30 іюля Государю: „Не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы слова моего посла были въ противорѣ-

чи съ содержаніемъ моей телеграммы. Графу Пурталесу было предписано обратить вниманіе твоего правительства на опасность и серьезныя послѣдствія, которыя можетъ повлечь за собой мобилизація. Тоже самое я говорилъ въ моей телеграммѣ къ тебѣ. Австрія мобилизовала только часть своей арміи и только противъ Сербіи. Если, какъ видно изъ сообщенія твоего и твоего правительства, Россія мобилизуется противъ Австріи, то моя дѣятельность въ роли посредника, которую ты мнѣ любезно довѣрилъ и которую я принялъ на себя по твоей усиленной просьбѣ, будетъ затруднена, если не станетъ совершенно невозможной. Вопросъ о принятіи того или другого рѣшенія ложится теперь всей своей тяжестью исключительно на тебя, и ты несешь отвѣтственность за войну или миръ“.

Въ этой телеграммѣ вовсе нѣтъ отвѣта на предложеніе о передачѣ спорныхъ вопросовъ Гаагскому трибуналу и особенно сильно подчеркивается отвѣтственность Россіи за неизбежную войну. А между тѣмъ сама Германія исключала возможность созыва конференціи въ Гаагѣ, исключала возможность всякой международной конференціи, исключала вообще всякое посредничество.

Наряду съ этимъ Германія усиленно готовилась къ войнѣ. Нашъ военный агентъ въ Афинахъ полковникъ Гудимъ-Левковичъ, возвращаясь изъ Петербур-

га къ мѣсту своей службы, 30-го іюля проѣхалъ черезъ всю Германію отъ Эйдкунена черезъ Берлинъ до Голландской границы и видѣлъ скопленіе на всѣхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ большого числа резервистовъ, движеніе цѣлыхъ воинскихъ поѣздовъ какъ въ восточномъ, такъ и въ западномъ направленіяхъ.

Эти факты могли быть объяснены лишь происходящею мобилизаціей и даже первыми шагами къ сосредоточенію войскъ. Такимъ образомъ, есть полное основаніе думать, что началомъ мобилизаціи германской арміи и при томъ мобилизаціи общей являлось 30 іюля.

Это подтверждается также и тѣмъ, что около часа пополудни въ Берлинѣ былъ выпущенъ экстренный листокъ офиціознаго „Lokalanzeiger'a“ съ сообщеніемъ объ объявленіи мобилизаціи въ Германіи.

Правда, впослѣдствіи правительство императора Вильгельма опровергло газетное сообщеніе о мобилизаціи своей арміи, подводя всѣ фактически обнаруженныя мѣропріятія подъ скромное понятіе подготовительнаго къ войнѣ положенія.

Всѣ событія въ Германіи 30-го іюля стали, конечно, тотчасъ извѣстны въ Петербургѣ.

Не менѣе тревожныя свѣдѣнія въ этотъ день поступили и изъ Австріи.

Тамъ на завтра ожидалось объявленіе общей мобилизаціи.

Всѣ эти данныя не могли не вызывать опасеній и при такихъ условіяхъ производившаяся частная мобилизація, грозившая при томъ нарушеніемъ расчетовъ общей мобилизаціи, являлась совершенно не соотвѣтствующей данному моменту.

Все это заставило у насъ созвать экстренное совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе военный министръ генералъ Сухомлиновъ, министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ и начальникъ генеральнаго штаба генералъ Янушкевичъ. Совѣщаніе это состоялось около 3-хъ часовъ пополудни 30-го іюля въ зданіи генеральнаго штаба. По поводу этого совѣщанія генералъ Юрій Даниловъ въ своей книгѣ „Россія въ Міровой войнѣ“ говоритъ, что онъ находился въ сосѣдней залѣ, убѣждая Н. А. Базили, начальника канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ, о необходимости объявленія общей мобилизаціи и при томъ не позже какъ 31-го іюля, что совѣщаніе продолжалось недолго и затѣмъ прибавляетъ: „мнѣ остались неизвѣстными тѣ рѣшенія, къ которымъ пришло совѣщаніе; участники такового молча и сосредоточенно разошлись, неподѣлившись своими впечатлѣніями“.

Мнѣ кажется, что я имѣю возможность нѣсколько дополнить это сообщеніе генерала Данилова.

По своей въ прежнее время совмѣстной службѣ съ генераломъ Янушкевичемъ, я былъ довольно близокъ съ нимъ. Этимъ объясняется, что подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ происшедшаго на засѣданіи 30 іюля онъ подѣлился со мной тѣмъ, что на немъ происходило.

Всѣ члены совѣщанія быстро и безъ всякихъ преній единогласно пришли къ заключенію о необходимости возможно скорѣйшаго объявленія общей мобилизации. Тотчасъ же рѣшено было доложить объ этомъ Государю и, чтобы не терять времени, сдѣлать это по телефону.

Сначала говорилъ генер. Сухомлиновъ, указавъ на составъ совѣщанія и на его рѣшеніе. Однако, доводы военного министра, очевидно, показались недостаточно убѣдительными. Тогда ген. Сухомлиновъ передалъ трубку генер. Янушкевичу, какъ „будущему начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго“, каковымъ предполагался Государь.

Генераль Янушкевичъ горячо сталъ доказывать необходимость немедленнаго объявленія общей мобилизации, при чемъ естественно, его доводы основывались на соображеніяхъ чисто технически-военныхъ, стратегическихъ.

Стоя на этой точкѣ зрѣнія и разгорячившись, ген. Янушкевичъ позволилъ себѣ сказать Государю: „Замедленіе въ общей мобилизации съ военной точки зрѣнія — преступленіе“. На это Госу-

дарь спокойно отвѣтилъ: „Отвѣтственность за это преступленіе я всецѣло беру на себя. Я иначе не могу поступить. Я вѣрю искренности императора Вильгельма и если онъ обѣщаетъ предотвратить войну, то я не могу принимать мѣры, которыя могли бы помѣшать успѣху его стараніямъ“. Тогда спохватившись, ген. Янушкевичъ сталъ извиняться за свое рѣзкое выраженіе, на что Государь отвѣтилъ: „Ничего. Я васъ понимаю“.

Лишь, когда въ поддержку чисто военныхъ доводовъ ген. Янушкевича въ пользу общей мобилизаціи министромъ иностранныхъ дѣлъ Сазоновымъ приведены были соображенія политическія, Государь согласился на общую мобилизацію.

Вышеприведенныя слова Государя свидѣтельствуютъ, насколько онъ, такъ сказать, хватался за всѣ даже самыя ничтожныя и мало обѣщающія данныя, разъ все же можно было предполагать хотя бы въ самой малой степени, что они дадутъ возможность избѣжать войны.

И это исключаетъ всякую мысль о какой-либо активности Государя, способствующей возникновенію Великой Міровой войны.

Такимъ образомъ, подъ вечеръ 30-го іюля состоялось новое и на этотъ разъ окончательное Высочайшее повелѣніе о производствѣ общей мобилизаціи всѣхъ вооруженныхъ силъ Имперіи.

Началомъ этой мобилизаціи устанавливалась полночь на 31-ое іюля, т. е. первымъ днемъ мобилизаціи было назначено 31-ое іюля (18-ое).

VII.

Но мобилизація, даже общая, не есть еще война. Это мѣра, диктуемая лишь благоразумной предусмотрительностью, въ особенности для той стороны, которая значительно отстаетъ въ готовности своей арміи и потому рискуетъ безопасностью своей территоріи.

Съ объявленіемъ мобилизаціи войска лишь пополнялись до штатовъ военного времени, перевозились въ районы ихъ сосредоточенія и принимали мѣры по прикрытію границы, не переходя, однако, послѣдней впредь до особаго распоряженія, связаннаго съ рѣшеніемъ объ объявленіи войны.

Такимъ образомъ, мобилизація нашихъ вооруженныхъ силъ не закрывала дальнѣйшихъ переговоровъ и не заставляла терять надежду на мирный исходъ.

Истинныя причины нашей общей мобилизаціи и характеръ создавшагося положенія отлично освѣтилъ французскій посланникъ при русскомъ дворѣ Палелогъ, телеграфируя въ Парижъ 31-го іюля: „Въ виду общей мобилизаціи въ Австріи и секретныхъ мѣропріятій мобилизаціоннаго характера, принимаемыхъ въ Германіи уже въ теченіе 6-ти дней,

данъ приказъ объ общей мобилизациі русской арміи; Россія не можетъ, не подвергая себя серьезной опасности, приостановить исполненіе начатыхъ мѣропріятій: дѣйствительно она принимаетъ военныя мѣры только соотвѣтствующія тѣмъ, которыя уже предприняты въ Германіи“.

И естественной поэтому является телеграмма, которую 31-го іюля Государь послалъ Вильгельму и въ которой онъ писалъ: „По техническимъ условіямъ невозможно приостановить наши военныя приготовленія, которыя явились неизбѣжнымъ послѣдствіемъ мобилизациі Австріи. Мы далеки отъ того, чтобы желать войны. Пока будутъ длиться переговоры съ Австріей по Сербскому вопросу, мои войска не предпримутъ никакихъ вызывающихъ дѣйствій. Даю тебѣ въ этомъ мое слово. Я вѣрю въ Божіе милосердіе и надѣюсь на успешность твоего посредничества въ Вѣнѣ въ пользу нашихъ государствъ и европейскаго мира“.

И дѣйствительно переговоры еще продолжались. 30-го іюля Сазоновъ лично сообщилъ германскому послу въ Петербургѣ графу Пурталесу, что Россія готова прекратить всѣ свои военныя приготовленія, если Австрія исключитъ тѣ пункты изъ ея ультиматума Сербіи, которые противорѣчили понятію о суверенитетѣ послѣдней.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя какъ и ожидали въ Петербургѣ, 31-го іюля въ

Австро-Венгрии было также приступлено къ общей мобилизаци, тѣмъ не менѣ австрійскій посолъ при русскомъ дворѣ графъ Сапари сдѣлалъ Сазонову заявленіе, что его правительство согласно вступить въ обсужденіе по существу предъявленныхъ Сербіи требованій.

Предложеніе это было встрѣчено въ нашихъ дипломатическихъ сферахъ съ большимъ сочувствіемъ и удовлетвореніемъ, но для успѣха такового считалось, конечно, необходимымъ, чтобы Австрія прежде всего приостановила уже начавшіяся военныя дѣйствія на сербской территоріи.

Однако, такой поворотъ дѣла былъ вовсе не въ интересахъ Германіи.

Она продолжала энергичныя военныя мѣропріятія, какъ на Восточной, такъ и на Западной своихъ границахъ, что заставило между прочимъ и Францію обратиться къ такимъ же мѣрамъ, но во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній французы рѣшили держать свои войска не ближе 10 километровъ отъ границы.

Это свое рѣшеніе Франція мотивировала словами Вивіани, который сообщалъ въ Лондонъ, что „оставляя, такимъ образомъ, линію границы безъ защиты отъ внезапнаго нападенія со стороны противника, правительство республики хочетъ показать, что Франція не менѣе, чѣмъ Россія не несетъ отвѣтственности за нападеніе“.

Такимъ образомъ, проявленная Австріей склонность къ уступчивости была какъ говорится не на руку Германіи и для нея являлось необходимымъ сдѣлать такой шагъ, который бы рѣшалъ вопросъ безповоротно въ интересахъ Германіи.

Но этому мѣшало невыясненное для нея положеніе Англіи.

Первоначально въ Германіи надѣялись, что Англія, принимая участіе въ посредничествѣ, не будетъ непосредственно вмѣшиваться въ конфликтъ. Но бесѣда, которую велъ сэръ Эдуардъ Грей съ германскимъ посломъ въ Лондонѣ кн. Лихновскимъ, поколебала эту надежду и у Германіи явилось опасеніе, что ей придется оказаться передъ сопротивленіемъ четырехъ великихъ державъ и что въ случаѣ выступленія Англіи главная тяжесть борьбы ляжетъ на Германію.

Это не улыбалось Германіи и заставило ея дипломатію проявить нѣкоторую сдержанность въ томъ натискѣ, который она вела противъ Франціи.

Но тутъ вмѣшался Германскій генеральный штабъ, который подъ предлогомъ, что военныя приготовленія Россіи и Франціи не позволяютъ больше дѣлать дипломатическихъ усилій, считалъ необходимымъ провести быстрое рѣшеніе.

Тогда рѣшено было обезпечить нейтралитетъ Англіи, предложивъ ей „круп-

ную сдѣлку“, какъ выражается англійскій посолъ въ Берлинѣ сэръ Гошенъ, или „гнусный торгъ“, какъ оцѣниваетъ этотъ шагъ Германіи Пуанкаре.

Имперскій канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ 29-го іюля заявилъ сэру Гошену: „Если Великобританія согласится остаться въ сторонѣ, императорское правительство готово дать всяческія завѣренія, что въ случаѣ побѣды оно не будетъ искать никакого территориальнаго увеличенія за счетъ европейскихъ владѣній Франціи. Но оно отказывается принять такое же обязательство относительно французскихъ колоній... Что касается Бельгіи, то операціи, которыя Германія можетъ оказаться вынужденной предпринять на ее территоріи, будутъ зависѣть отъ того, что сдѣлаетъ Франція“.

Однако, Англійи было невыгодно открывать свои карты, вѣдь война для нея была желательной, но въ то же время она хотѣла остаться въ сторонѣ при рѣшеніи вопроса о ней, дабы въ послѣдствіи ее никто не могъ бы упрекнуть какъ виновницу ея возникновенія. И потому Англія не отвѣтила ни да, ни нѣтъ. Эта неопредѣленность дала Германіи рѣшимость съ 30 іюля начать негласно свою мобилизацію. Но послѣднее слово она еще не рѣшается сказать.

Создавшееся положеніе отлично охарактеризовано французскимъ посломъ въ Берлинѣ Жюлемъ Камбономъ, который 30-го вечеромъ телеграфировалъ въ Парижъ: „Нерѣшительная по-

зиція англійскаго правительства можетъ вызвать весьма тяжелыя послѣдствія, потому что здѣсь (т. е. въ Берлинѣ) надѣются на успѣхъ борьбы противъ Франціи и Россіи, если онѣ будутъ однѣ. Только возможность вмѣшательства со стороны Англии тревожитъ императора, его правительство и путаетъ всѣ ихъ расчеты“.

Это отлично понимали и въ Россіи.

Еще 20 іюля, въ день пріѣзда въ Петербургъ президента французской республики Пуанкаре, когда еще не былъ предъявленъ ультиматумъ Сербіи, но когда мысль о возможной войнѣ ощущалась уже въ воздухѣ, Государь Императоръ, отправляясь навстрѣчу французской эскадрѣ на яхтѣ „Александрія“, на высказанныя французскимъ посломъ Палеологомъ свои опасенія въ возможности войны съ Германіей, сказалъ: „Я не могу повѣрить, чтобы императоръ Вильгельмъ хотѣлъ войны“. И затѣмъ прибавилъ: „Тѣмъ болѣе необходимо, чтобы мы въ случаѣ кризиса могли рассчитывать на Англию. Не потерявъ окончательно разума, Германія никогда не посмѣетъ броситься на соединенныя Россію, Англию и Францію“.

Когда въ Петербургѣ 24-го іюля было получено сообщеніе о врученіи Сербіи австрійскаго, ультиматума, то тотчасъ же было собрано совѣщаніе

между Сазоновымъ, Палеологомъ и Бьюкененомъ.

Палеологъ заявилъ, что война можетъ вспыхнуть каждую минуту и что это обстоятельство должно опредѣлять политику Франціи и Англій.

Бьюкененъ высказалъ предположеніе, что его правительство пожелаетъ остаться нейтральнымъ и выразилъ опасеніе, что Франція и Россія будутъ раздавлены тройственнымъ союзомъ.

„При сложившихся обстоятельствахъ, возразилъ Сазоновъ, нейтралитетъ Англій былъ бы равносильнъ самоубійству“.

„Это и мое убѣжденіе, отвѣтилъ сэръ Джорджъ, но я опасаюсь, что наше общественное мнѣніе не скоро пойметъ то, что съ такою очевидностью намъ указываетъ нашъ національный интересъ“.

Палеологъ настаивалъ на рѣшительномъ значеніи того вліянія, которое можетъ возымѣть Англія въ томъ, чтобы потушить воинственный пылъ Германіи.

Сазоновъ съ жаромъ поддерживалъ тѣ же соображенія.

Въ результатъ разговора Бьюкененъ обѣщалъ энергично поддержать передъ Греемъ политику сопротивленія германскимъ претензіямъ.

Изъ этого между прочимъ слѣдуетъ, что и Англія понимала значеніе своего вліянія въ создавшемся конфликтѣ, зна-

ла она также, какую значительную роль ей въ данномъ случаѣ приписываютъ и Германія, и Франція, и Россія. И тѣмъ не менѣе Англія опредѣленно не высказывалась.

Вслѣдствіе этого, когда передъ Германіей возникло съ одной стороны опасеніе, что Австрія готова идти на уступки, а съ другой стороны, что Англія можетъ стать на сторону двойственнаго союза, то она, желая во что бы то ни стало войны первымъ опасеніямъ придала большее значеніе и рѣшила сразу создать такое положеніе, чтобы для нихъ не было бы мѣста.

Вслѣдствіе этого въ полночь на первое августа германскій посоль въ Петербургѣ графъ Пурталесъ заявилъ нашему министру иностранныхъ дѣлъ, что если черезъ 12 часовъ, т. е. къ полудню 1 августа, Россія не приступитъ къ демобилизаціи, и при томъ не только противъ Германіи, но и противъ Австріи, то германское правительство вынуждено будетъ отдать у себя распоряженіе о мобилизаціи.

На вопросъ Сазонова — является ли это заявленіе предупрежденіемъ о началѣ войны, графъ Пурталесъ отвѣтилъ отрицательно, добавивъ, однако: „Но мы къ ней довольно близки“.

Необходимо подчеркнуть, что этотъ ультиматумъ былъ предъявленъ Россіи въ отвѣтъ на честное слово Государя.

Интересно отмѣтить, что германское правительство, требуя отъ Россіи отмѣны всѣхъ военныхъ мѣропріятій не только противъ Германіи, но и противъ Австріи, умалчивало о какихъ-либо параллельныхъ шагахъ своихъ въ Вѣнѣ. Этимъ самымъ оно принимало на себя роль какъ бы официальной защитницы и покровительницы Австріи и вмѣстѣ съ тѣмъ стремилась поставить Россію въ крайне неблагоприятныя условія въ войнѣ, которую Германія безповоротно рѣшила и которая вслѣдствіе этого была неминуема.

Выполненіе предъявленнаго намъ Германіею требованія, опредѣленно носившаго характеръ открытаго вызова, означало бы полную, хотя и безкровную, капитуляцію Россіи передъ германскимъ бронированнымъ кулакомъ.

Такой шагъ для Россіи, конечно, былъ невозможенъ. Онъ былъ несовмѣстимъ съ великодержавнымъ достоинствомъ Россіи и грозилъ ей совершенною потерею престижа вообще и среди славянства въ особенности. Онъ предавалъ бы Сербію ея врагамъ. Онъ дискредитировалъ бы правительственную власть внутри страны, создавъ о ея дѣйствіяхъ впечатлѣніе какой то необъяснимой нерѣшительности и необдуманности.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній русское правительство оставило дерзкое требованіе Германіи безъ отвѣта и

послѣдствій, — мобилизація русской арміи продолжала идти своимъ нормальнымъ ходомъ.

Но лично Государь сдѣлалъ еще одну попытку къ мирному разрѣшенію вопроса и послѣ полудня 1-го августа телеграфировалъ императору Вильгельму: „Я получилъ твою телеграмму. Понимаю, что ты долженъ мобилизовать свои войска, но желаю имѣть съ твоей стороны такія же гарантіи, какія я далъ тебѣ, т. е., что эти военныя приготовления не означаютъ войны и что мы будемъ продолжать переговоры ради благополучія нашихъ государствъ и всеобщаго мира дорогого для всѣхъ насъ. Наша долгоиспытанная дружба должна съ Божіей помощью предотвратить кровопролитіе“.

Какъ бы отвѣтомъ на эту телеграмму въ семь часовъ вечера 1-го августа германскій посоль графъ Пурталесъ посѣтилъ Сазонова и официально заявилъ ему, что императоръ Вильгельмъ отъ имени Германской имперіи принимаетъ вызовъ якобы брошенный Россією Германіи и считаетъ себя въ состояніи войны съ Россіей.

Лишь послѣ этого заявленія Государь получилъ отъ Вильгельма телеграмму, которая умышленно была задержана при передачѣ. Эта телеграмма уже запоздавшая не имѣла никакого практическаго значенія.

Неправда ли на первый взглядъ является страннымъ, что конфликтъ на-

чался изъ-за претензіи Австріи къ Сербіи, что на защиту Сербіи выступила Россія, что Австрія и Россія первыя мобилизовали свои войска другъ противъ друга, а первой объявила войну Германіи.

Это указываетъ на то, что если Австро-Венгрія и виновна въ обостреніи подъ вліяніемъ Сараевского событія политической обстановки, то съ теченіемъ времени инициатива дѣйствій перешла всецѣло къ Германіи, которая желала войны, искусно использовала убійство австрійскаго наслѣдника какъ предлогъ войны и сознательно довела конфликтъ до вооруженнаго столкновенія.

Только 6-го августа графъ Бертольдъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Австріи, недовольный „грубымъ вызовомъ, брошеннымъ Россіи Германіей и сдѣлавшимъ общую войну неизбежной“, заявилъ нашему послу въ Вѣнѣ, что союзъ, связующій Австро-Венгрію съ Германіей, обязываетъ ее къ разрыву съ Россіей.

Еще 3-го августа Италия официально заявила, что она въ создавшемся международномъ положеніи будетъ соблюдать нейтралитетъ.

Вечеромъ, въ половинѣ 12-го, 1-го августа русскій посолъ въ Парижѣ довелъ до свѣдѣнія Франціи объ объявленіи

ни войны Германіей Россіи и согласно указаніямъ изъ Петербурга спросилъ президента французской республики Пуанкаре, что намѣрена дѣлать Франція. Пуанкаре отвѣтилъ: „Правительство вынесетъ по этому поводу рѣшеніе. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что оно будетъ готово потребовать отъ палаты депутатовъ выполненія обязательствъ, которыя возлагаетъ на насъ союзъ. Но не настаивайте на томъ, чтобы французскій парламентъ немедленно объявилъ войну Германіи. Съ одной стороны мы заинтересованы въ томъ, чтобы наша мобилизація была отложена возможно дольше до начала отъ нынѣ неизбѣжныхъ военныхъ дѣйствій; съ другой стороны—было бы лучше, если бы намъ не пришлось выполнять союзнаго обязательства и объявлять войну. Если Германія намъ ее объявитъ сама, французскій народъ подыметъ съ еще большимъ энтузіазмомъ, чтобы защищать свою землю и свою свободу“.

Такой отвѣтъ президента республики, подтвержденный въ тотъ же день французскимъ правительствомъ, несомнѣнно, въ значительной степени обуславливался неизвѣстностью и вытекающимъ отсюда безпокойствомъ относительно образа дѣйствій Англіи.

Осторожностью и видимою неопредѣленностью своего поведенія Англія толкнула Германію на рѣшимость сдѣлать послѣдній шагъ, чтобы

довести Австро - Сербскій конфликтъ до войны и тѣмъ вызвать ее, что было въ интересахъ Великобританіи.

Традиціонный образъ дѣйствій Англии теперь требовалъ, чтобы отъ войны, въ значительной степени ею созданной, она пострадала бы возможно меньше, но выиграла бы возможно больше.

Вотъ почему, зная, что французскій флотъ слабѣе германскаго и можетъ сильно пострадать отъ послѣдняго, что въ значительной степени склонило бы шансы побѣды на сторону Германіи сэръ Эдуардъ Грей послѣ полудня 2-го августа заявилъ французскому послу въ Лондонѣ Полю Камбону: „Я уполномоченъ дать завѣреніе, что если германскій флотъ проникнетъ въ Ламаншъ или пересѣчетъ Сѣверное море въ цѣляхъ начать военныя операціи противъ французскихъ береговъ или противъ французскаго торговаго флота, британскій флотъ окажетъ всякое покровительство французамъ всею своею силою“.

Въ глазахъ французовъ такое заявленіе не было еще обѣщаніемъ полнаго сотрудничества. Вотъ почему Пуанкаре имѣлъ основаніе сказать, что „мы провели день 2-го августа въ очень большой тревогѣ“.

Весь день 3-го августа французское правительство все еще не получило освѣдомленія о намѣреніяхъ Англии.

Лишь вечеромъ въ этотъ день сэръ Эдуардъ Грей заявилъ Вивіани, что „въ случаѣ если германская эскадра появится въ проливѣ или въ Сѣверномъ морѣ, чтобы, обогнувъ британскіе острова, атаковать французскіе берега или французскій военный флотъ и напасть на торговый французскій флотъ, англійская эскадра предложитъ французскому флоту свое полное покровительство съ тѣмъ, чтобы съ этого момента Англія и Германія оказались бы въ состояніи войны“.

Это былъ уже со стороны Англіи шагъ болѣе опредѣленный. Англія уже обѣщала свое сотрудничество, но обѣщала условно, и если бы Германія не стремилась атаковать Францію съ моря, Англія могла бы не вмѣшиваться.

Франція еще выжидала.

Но въ этотъ день 3-го августа произошли событія, которыя положили конецъ ея выжиданію: во 1-хъ, въ 6 час. 45 мин. вечера бар. Шенъ вручилъ Вивіани объявленіе войны и потребовалъ свои паспорта, а во-вторыхъ, во Франціи стало извѣстно, что наканунѣ Германія, рассчитывая на слабость Бельгіи и на невозможность для нея оказать серьезное сопротивленіе, по стратегическимъ соображеніямъ предъявила ей требованіе пропустить черезъ ея предѣлы германскія войска, объясняя это опасеніемъ вторженія французской арміи на бельгійскую территорию.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Бельгіи была обѣщана гарантія ея независимости и очищеніе ея территоріи послѣ войны. Въ случаѣ же отказа Германія угрожала считать Бельгію въ числѣ своихъ враговъ.

А между тѣмъ договорами 1831 и 1839 гг., заключенными между Англійей, Франціей, Россіей, Австріей и Пруссіей, обязательства которой перешли на Германію, и подтвержденными Гаагской конференціей 1907 года, Бельгіи обезпечивался „вѣчный нейтралитетъ“ и „неприкосновенность ея территоріи“.

Такимъ образомъ, своимъ требованіемъ и угрозами Германія нарушала международные трактаты ею же подписанные. Это признавала и сама Германія, но считала этотъ свой поступокъ вынужденнымъ необходимостью самообороны, противъ неизбежнаго, по мнѣнію нѣмцевъ, вторженія французскихъ войскъ на бельгійскую территорію.

Для отвѣта на указанное требованіе Германіи Бельгіи было дано 12 часовъ.

Бельгія категорически отказала и уже 2-го августа передовые германскіе войска вторглись въ предѣлы Бельгіи, направляясь на Льежъ и въ Люксембургъ, который по Лондонскому договору 1867 года былъ также признанъ „постояннымъ нейтральнымъ государствомъ“.

Такое направленіе наступленія Германской арміи противъ Франціи черезъ Бельгію ставило Францію въ крайне

невыгодное стратегическое положеніе и могло повлечь для Франціи военную катастрофу, обезпечивъ Германіи побѣду. Это было бы, конечно, крайне невыгодно для Англіи и потому явилось для нея рѣшительнымъ моментомъ для открытаго заявленія о своемъ отношеніи къ войнѣ. Поэтому она еще 31-го іюля запросила Францію и Германію, намѣрены ли онѣ въ случаѣ вооруженнаго между ними столкновенія соблюдать бельгійскій нейтралитетъ.

Франція отвѣтила утвердительно, а Германія дала уклончивый отвѣтъ.

Между тѣмъ послѣ ультиматума Германіи 3-го августа бельгійскій король обратился къ англійскому королю съ просьбой о дипломатическомъ вмѣшательствѣ съ цѣлью обезпеченія нейтралитета Бельгіи. Вслѣдствіе этого Англія 4 августа предъявила Германіи ультиматумъ съ требованіемъ соблюденія этого нейтралитета. Одновременно съ этимъ англійское правительство увѣдомило Бельгію, что Англія будетъ защищать ея нейтралитетъ.

Какъ бы въ отвѣтъ на ультиматумъ Германія заявила 4-же августа, что она вынуждена не считаться ея нейтралитетомъ Бельгіи. Тогда Англія рѣшила принять участіе и въ сухопутныхъ операціяхъ и 4-го августа объявила у себя мобилизацію, а 5-го августа присоединилась къ Франціи и Россіи, когда уже обильно лилась кровь вѣрныхъ сыновъ этихъ двухъ испытанныхъ союзниковъ.

VIII.

Врядъ ли требуются какіе-либо выводы и заключенія изъ изложеннаго относительно причинъ Великой Міровой войны и виновниковъ ея возникновенія.

Но все же крайне поучительно привести слѣдующія слова французскаго посла въ Петроградѣ Палеолога: „29-го іюля, т. е. за три дня до объявленія войны Государь, повинуваясь велѣнію своего сердца и не пожелавъ посовѣтоваться ни съ кѣмъ, телеграфировалъ императору Вильгельму, предлагая ему передать австро-сербскій конфликтъ на рѣшеніе Гагскаго суда. Если бы кайзеръ принялъ этотъ способъ рѣшенія спора — война была бы окончательно устранена, но онъ даже не отвѣтилъ на это предложеніе Царя“.

Съ другой стороны отмѣтимъ слѣдующее. Не такъ давно англійское министерство иностранныхъ дѣлъ издало подъ редакціей извѣстныхъ историковъ Гуча и Темперли новый сборникъ документовъ, относящихся къ началу Міровой войны. Наиболѣе интереснымъ въ этомъ сборникѣ являются помѣтки, которыя дѣлали на поляхъ различныхъ донесеній и записокъ высше чины министерства и самъ Эдуардъ Грей, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ Англій.

Среди этихъ помѣтокъ обращаетъ на себя вниманіе сдѣланная Артуромъ

Никольсономъ, постояннымъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, на поляхъ телеграммы изъ Петербурга отъ 24-го іюля. Сэръ Никольсонъ писалъ здѣсь: „Существенно вотъ что: рѣшилась ли окончательно Германія начать войну или нѣтъ? Есть еще шансъ, что она поколеблется, если ее заставятъ понять, что въ случаѣ войны Англія окажется бокъ о бокъ съ Франціей и Россіей...“

Помощникъ Никольсона сэръ Эйри Кроу, который былъ сыномъ нѣмки и самъ былъ женатъ на нѣмкѣ, тутъ же въ полномъ согласіи со своимъ патронномъ отмѣтилъ, что „Англія должна сейчасъ же мобилизовать флотъ и сейчасъ же объявить объ этомъ Франціи и Россіи“.

Но самъ Грей былъ иного мнѣнія,— на томъ же донесеніи онъ дѣлаетъ такую помѣтку: „Я считаю преждевременнымъ всякое заявленіе Франціи и Россіи съ нашей стороны“.

Нѣкоторые думаютъ, что въ этой помѣткѣ выказываются колебанія Грея. Правильнѣе же видѣть въ ней твердость Грея, этого убѣжденнаго и яростнаго противника „царизма“, въ избранномъ направленіи довести дѣло до желаемой войны въ условіяхъ снятія съ себя заблаговременно отвѣтственности за ея возникновеніе.

Такое толкованіе приведенныхъ словъ Грея наглядно подтверждается сообра-

женіями одного изъ русскихъ изслѣдователей этого вопроса П. П. Стрелюхова, который на страницахъ „Русской Лѣтописи“ пишетъ: „Англія присоединилась къ Антантѣ лишь на пятый день послѣ объявленія войны. Представимъ себѣ на мгновеніе, что она сдѣлала бы это 31-го іюля. Война была бы невозможна... Стоило Англіи написать въ Берлинъ, что она присоединяется къ Петербургу и Парижу, все было бы кончено. Стоило ей сказать намъ, что она будетъ на сторонѣ Германіи — результатъ былъ бы тотъ же самый. Нѣтъ, она предпочла открыть свои карты черезъ пять дней, когда потушить огонь было уже невозможно, но представились шансы предоставить другимъ таскать изъ него каштаны для Англіи“.

Наконецъ, заканчивая докладъ, мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о, по выраженію англійскаго генерала Вильямса, „наиболѣе оклеветанномъ изъ монарховъ“, на котораго продолжаютъ клеветать еще и теперь, лягая его ослиными копытами.

Въ своихъ воспоминаніяхъ англійскій посолъ при русскомъ дворѣ сэръ Джорджъ Бьюкененъ говоритъ: „Сталкиваясь съ вопросами войны и мира, Государь никогда не задумывался положить на чашу вѣсовъ всю силу своего вліянія въ сторону мира. Онъ такъ старался вести мирную политику, такъ искренно готовъ былъ идти на уступки,

лишь бы избѣжать ужасовъ войны, что въ концѣ 1913-го года создалось впечатлѣніе, что Россія никогда не будетъ воевать, впечатлѣніе, которое къ несчастію побудило Германію воспользоваться создавшимся положеніемъ“.

Не только Германію, но, прибавимъ отъ себя, и Англию.

Но, пожалуй, наиболѣе интереснымъ, а главное доказательнымъ въ этомъ отношеніи является заявленіе нашего противника — германскаго посла въ Петербургѣ графа Пурталеса.

Въ недавно опубликованныхъ документахъ германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ имѣется донесеніе графа Пурталеса канцлеру Бетманъ-Гольвегу отъ 11-го марта 1914 года, въ которомъ графъ пишетъ: „Большое возбужденіе, вызванное корреспонденціей „Кельнише Цейтунгъ“ изъ Петербурга, нужно отнести къ тому, что сообщенныя въ этой корреспонденціи свѣдѣнія о русскихъ вооруженіяхъ создали впечатлѣніе, будто бы Россія планомерно готовится къ войнѣ съ Германіей черезъ 3-4 года. Я считаю этотъ взглядъ ошибочнымъ. Я не думаю, чтобы русское правительство или русскій народъ желали бы такой войны и считали бы ее неизбежной и еще менѣе вѣрю я тому, будто бы здѣсь какія-либо руководящія факторы проводили политическую программу, цѣлью которой

было бы возбужденіе съ нами конфликта“.

„Увеличеніе числа армейскихъ корпусовъ и другія военныя приготовленія на мой взглядъ объясняются слѣдующими причинами: желаніемъ возстановить боеспособность арміи, недостатки коей выяснились во время Японской войны; желаніемъ сравняться съ Германией, увеличившей за послѣднее время свои войска; настояніями Франціи; націоналистическимъ движеніемъ, которое существуетъ здѣсь по отношенію къ Австро-Венгріи“.

„Конечно военныя мѣры Россіи заслуживаютъ съ нашей стороны самаго пристального вниманія нашихъ военныхъ, но это совсѣмъ не значитъ, что создавшееся новое положеніе грозитъ намъ въ ближайшіе годы агрессивными дѣйствіями со стороны нашего восточнаго сосѣда. Въ настоящее время, здѣсь нѣтъ ничего такого, что указывало бы на подобные планы, наоборотъ многое указываетъ на то, что эти подозрѣнія совершенно неосновательны. И прежде всего потому, что въ настоящее время здѣсь нѣтъ дѣятелей, которые могли бы имѣть такіе планы и были бы достаточно вліятельны, чтобы добиться ихъ осуществленія. Миролюбивыя намѣренія императора Николая II стоятъ выше всякихъ подозрѣній. Но, конечно, есть отдѣльные генералы, которые охотно участвовали бы въ войнѣ противъ насъ и Ав-

стри, какъ во всякой арміи есть воинственно настроенные люди“.

Значеніе этихъ словъ наблюдательнаго посла вражеской страны нисколько не умаляется тѣмъ, что императоръ Вильгельмъ отнесся къ нимъ скептически и даже иронически и на донесеніи своего дипломата, „милаго Пурцеля“, предубѣжденно положилъ, между прочимъ, слѣдующую резолюцію. „Я, какъ военный, на основаніи имѣющихся у меня данныхъ совершенно убѣдился въ томъ, что Россія систематически готовится къ войнѣ съ нами и соотвѣтственно съ этимъ я направляю мою политику“.

Однако, безмѣрное миролюбіе Государя не давало ему права отказываться отъ традиціонной роли Россіи, какъ покровительницы и защитницы славянскихъ Государствъ. Это понималъ даже англичанинъ Бьюкененъ: „Какъ естественная защитница Балканскихъ славянъ, говоритъ онъ, Россія должна была охранять ихъ интересы и слѣдить за тѣмъ, чтобы вмѣшательствомъ державъ они не были лишены плодовъ своихъ побѣдъ“.

Всѣ факты документально изложенные выше, доказательно подтверждаютъ слова чужестранцевъ и мы съ тѣмъ большею увѣренностью и непоколебимымъ убѣжденіемъ можемъ сказать, что въ Бозѣ Почившій Государь Императоръ Николай II, какъ и олицетворявшаяся Имъ Россія ни въ малѣйшей степени

неповинны въ Великой Міровой драмѣ 1914-1918 г.г. и во всѣхъ ея послѣдствіяхъ, создавшихъ, по выраженію проф. М. Курчинскаго, европейскій хаосъ.

Вѣрный своему предназначенію покровителя и защитника славянъ и своимъ союзническимъ обязательствамъ въ войнѣ, начатой вопреки Его желаніямъ, въ безмѣрной любви къ Россіи Государь Императоръ Николай II при несомнѣнномъ попустительствѣ, какъ враговъ Россіи, такъ и ея союзниковъ принялъ мученическую кончину, въ своихъ страданіяхъ предвидя подготавливаемое уже прямымъ содѣйствіемъ тѣхъ же враговъ и союзниковъ разрушеніе того, что было Ему наиболѣе дорого, что ставилъ Онъ выше своей жизни—Россіи.

Невольно при этомъ вспоминается судьба одного изъ главнѣйшихъ режиссеровъ той драмы, которую десять лѣтъ тому назадъ пережили всѣ народы, — Вильгельма II?

Считая свою жизнь дороже своего Отечества, онъ постыдно бѣжалъ изъ родной земли и теперь, утѣшаемый ласками своей второй супруги, связавшей свою судьбу съ бѣглецомъ эксъ-кайзеромъ, очевидно, въ ожиданіи лучшихъ дней, благодушествуетъ, продолжая фиглярничать, живо описывая прошлое и мечтая, очевидно, безнадежно о будущемъ, когда нѣмецкій народъ вновь призоветъ его на тронъ Гогенцоллерновъ.

Ну, а главныя дѣйствующія лица драмы—воевавшіе государства и ихъ народы?

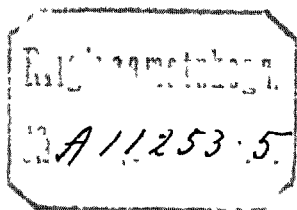
Побѣдительница Франція попрежнему больше всего боится нѣмцевъ, ведя борьбу со своими социалистами, этими червями, подрывающими вездѣ основы здоровой государственности.

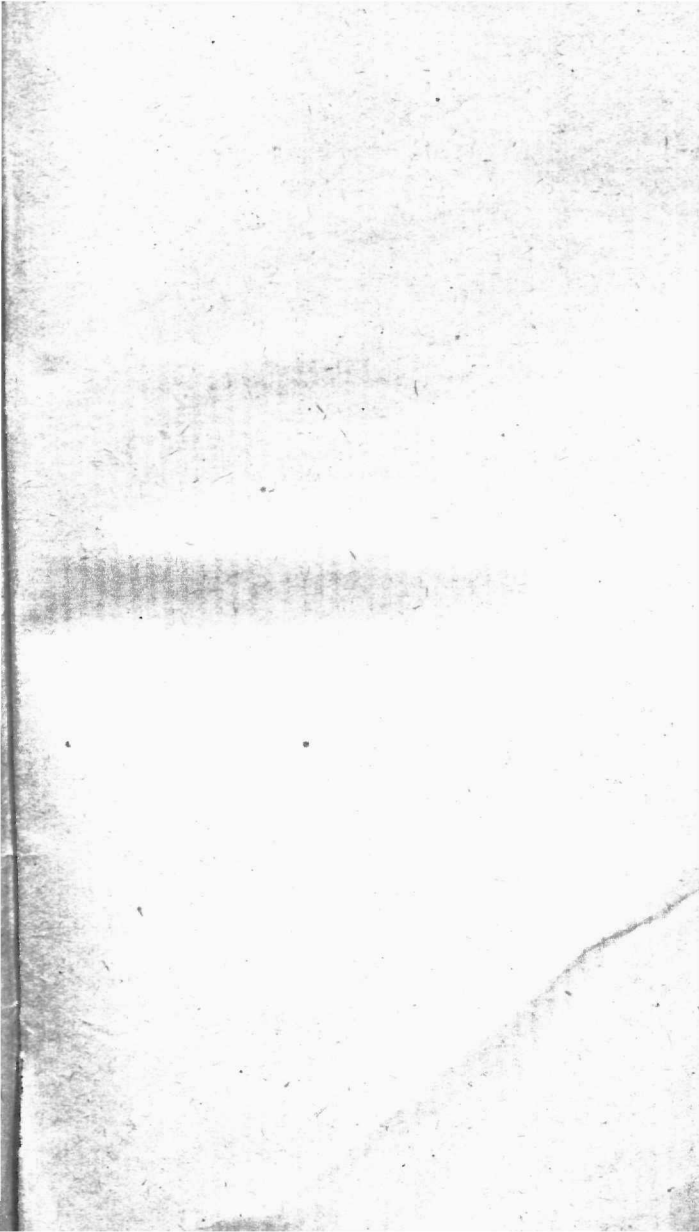
Англія, которая, казалось бы, выиграла больше другихъ, добившись всего, что могла дать желаемая для нея война, теперь стараніями своихъ рабочихъ и „керенщиной“ своего консервативнаго правительства при попустительствѣ либераловъ, готова сама упасть въ ту яму, которую вырыли для Россіи нѣмцы и надъ которой она, казалось, наглухо захлопнула крышку.

Побѣжденная Германія... организуется и при томъ очень успѣшно.

Австро-Венгрія въ естественномъ историческомъ процессѣ исчезла и навсегда.

Наконецъ, Россія — ее какъ будто нѣтъ... Но Богъ правду видитъ и, вѣримъ мы, уже скоро скажетъ ее.

AM253=5

Главный складъ изданія:
„Русская книга“
Эстонія, Ревель, Королевская, 3

EESTI RAHVUSRAAMATUKOGU

1 0100 00320901 8